

25-го июля 1930 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

61-62

25-го липня 1930 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

Л. Билинський

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Константин Поляков*: * * Стихи.
 2. *Олександр Півень*: У лагерьх під станицею Уманською.
 3. *Любовь Самсонова*: * * Стихи.
 4. *А. Бояринов*: У тихой пристани.
 5. *Ив. Томаревский*: Журналу „Вольное Казачество“.
 6. *Борис Кундрюцков*: * * Стихи.
 7. *Петр Крюков*: Два выстрела.
-
8. Неизбежное столкновение.
 9. *Ис. Быкадоров*: О местопребывании руссов (руси) и о местонахождении города России.
 10. *Д-р Эренджен Хара-Даван*: Религия в быте народов Запада и Востока.
 11. *Вл. Куртин*: Крым—Далмация.
 12. *А. А. Гейман*: Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе.
 13. Открытое письмо.
 14. Думы и мысли.
 15. Казачья старина.
 16. Международная жизнь.
 17. Казачья эмиграция.
 18. В Казачьих Землях.
 19. По белу свету.

Почтовый ящик.

Югославия. — А. П. — Получено. Хорошо. Привет.
Земун. — П. К. — Получено. Продолжайте. Привет.
Харбин. — П. К. — Получено. Привет.
Турция. — П. К. — Получено. Хорошо. Привет.
Франция. — М. — Получено. Спасибо. Привет.
Нью-Йорк. — В. Б. — Получено. Привет.
София. — Т. Л. — Хорошо. Привет.
Перу. — Д. В. — Получено. Привет.
Подк. Русь. — В. Т. — Добре.
Скопье. — П. А. — Получено. Привет.
София. — Ц. — Добре. Вітаємо.
Франция. — В. С. — Получено. Привет.
Югославия. — Я. К. — Получено. В след. номере. Привет.

Подбради. — П. — Дякуємо.
Бельгия. — И. Ш. — Получено. Привет.
Франция. — И. С. — Получено. Ответ будет. Привет.
Югославия. — В. К. — Получено. Привет.
Югославия. — Я. Н. — Будет помещено в след. номере. Привет.
Болгария. — И. У. — Получено. Привет.
Лион. — Х. — Получено. Спасибо. Привет.
Италия. — Н. П. — Получено. Привет.
Болгария. — К. Т. — Получено. Хорошо. Привет.
Белград. — П. З. — Получено. Хорошо. Привет.
Польша. — А. М. — Одержали. Дякуємо. Вітаємо.
Болгария. — М. Г. — Получено. Хорошо. Привет.
Банат. — Г. А. — Получено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асень, 20.

А. Шапошников. Сливен.

С. Мукукенов. София, кв. Х.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.

А. П. Чорный — А. Čorny. Drvar, Vrbaska Ban.

А. А. Гейман. Zajечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопье.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В О Ф Р А Н Ц И И:

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.

M-r Ivanoff. B. av. Pasteur 6. 13. S. L. S. A. à Decines (Isere).

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 25, rue Gutenberg, Paris (15).

Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 61—62

Прага, пятница 10—25-го июля 1930 г.

№ 61—62

Константин Поляков.
(Прага).

* *

Эй! Звонарь, ударь в набат
Так, чтоб колокол медный разбился,
Так, чтоб порвался канат,
Чтобы враг от бессилия злился...

Думы — как гири, как тяжкие плиты
Давят мой ум, тяготят,
Перед глазами тени убитых
Алою кровью горят...

Помню я, летом, порою былою
Вишня краснеет в казачьих садах,
Ветер играет волной золотою
Хлебного моря в полях...

Так неужели же стала мечтою
Эта прекрасная, яркая боль...
Серые люди, солдатской толпою
Все обратили в руины и пыль.

Мы отошли, неся смерть и утраты
Кровью своей оставляя след...
По этому следу вернемся обратно,
Чтоб дать наш последний ответ.

Слышим мы шаг наступающей нови.
Думы морщият казачьи лбы,
Думы ломают казачьи брови...
Больно сурово веленье судьбы.

Что-ж теперь там та кровушка льется? —
— Льется, как речка в горах!
Слезы не сохнут печаль не уймется
На материнских усталых глазах.

Вот почему мы поднялись за Волю
Нет уж теперь там ее...
На вологодских лохматых конях
Топчат солдаты казачье жнивье.

Кто против нас, не считайте нас боле!
Не перечислить нас вам.

Много уж тех, кто тоскует по Воле,
Счета нет вольным всех Войск казакам...

Ветер, как раненый зверь завывает,
Льнет он к печальным степям...

Под звон кандалов казаки совершают
Невольничий путь к Соловкам...

Сердце сжимается, б'ется до боли...

Как бы тот час сократить,

Чтобы скорее у братьев в неволе

Оковы тяжелые сбить. 6-VII-1930.

Олександр Півень (М. Забігайло).
(Югославія).

У лагерях під станицею Уманською.

Сцена з козацького (чорноморського) побиту у 4-х картинах.

Написана не для театру, а на спомин козакам про колишнє козацьке життя на Кубані. Діється у послідніх роках минулого (19-го) століття, весною, у маї (травні) місяці.

КАРТИНА I.

На передньому плані довга конов'язь, до неї прив'язано кілька десятків коней. Коло кожного коня стоїть козак з щоткою та гребінкою (скребницею) в руках, усі пораються — чистять коней. За конов'язью ряд козацьких палаток (полотняні шатра), за ними упрять конов'язь з кіннями і козаками, далі знову палатки. Кой-де вадко розкидані скрізь по лагерьх дерев'яні, збиті на-швидку з дошок, усякі лагерні постройкі: бараки, гостиниці і таке инше, а далі, навкруги лагерьв, широкий степ, як дим. Верстах у двох від лагерьв, видніються вітряки — млини та зелені садки ста-

ниці Уманської, а по-між ними біліють кой-де хати та дві станишні церкви.

Ранок 14-го мая. Сонечко ось-ось скоро зійде.

Ява 1.

Кой-хто з ближніх козаків, пораючись коло коня, співає собі під ніс, другий свистить помалу, а де-які ведуть по-між собою балачку. Іноді котрий-нибудь козак гукне до другої ближньої сотні, або ставиці, що небудь чуднеглузливе, а ті йому відгукують, а козаки кругом регочуть.

1-й козак. І нащо оце нам звелено коней чистити? Адже-ж сьогодні неділя, — ніякого учення не буде, так пустить би коней у табун на цілий день, та ото й усе!

2-й козак. Еге, пустимо у табун, та тільки не зараз, а хіба аж після обіду.

3-й козак. Чого-ж то так?
 2-й козак. Така мабуть линия на цей день вийшла і нам, і нашим коням.
 1-й козак. Яка там линия? Що ти видумуєш?
 2-й козак. Не видумую, а мабуть знаю, коли кажу.
 4-й козак. Та чого ти його питаєш? Він і сам стільки знає, як стара полова кобила, та тільки підпуськає туману та людей дурить.
 2-й козак. Сам ти — полова кобила, або дяків кнур! Як би я не знав, так нічого й не казав би, а то знаю усе чисто!
 4-й козак. Що-ж ти знаєш?
 2-й козак. Знаю, та не скажу, щоб тобі кортіло!
 Де-хто. Та кажи вже, душа твоя турецька, коли справді що знаєш!
 2-й козак. А що-ж ви хіба забули, що сьогодні не тільки неділя, а ще й коронованіє — царський день?
 4-й козак. Ну, так що?
 2-й козак. А те, що буде в лагерьх молебінь, а після того парад. Та ще прийхав нічку з Катеринодару Начальник Войськового Штаба, Генерал Гершельман, так начальство думає, що він і смотр козакам заодно зробіть.

1-й козак. Так от чортової душі робота! І принесуть його чорти у лагері під самісіньку неділю!
 3-й козак. А хіба що?
 1-й козак. Уже-ж не що: немає нам одмору, от-шо! Цілий тиждень що-дня гоняють козаків і коней з раннього-ранку до пізньої ночі, а прийшов празник, або неділя — упяять сідай на коней.
 2-й козак. Та брешеш ти, коли отаке кажеш! Знаю я, що у тебе зовсім не те на думці!
 1-й козак. А що?
 2-й козак. Та мабуть сьогодні до тебе жінка прийде, так через те тобі й сердито. А що, угадав?
 1-й козак. Та звісно — угадав, бо й угадає не трудно. Не велике то й диво: сьогодні багато козаків дожидають своїх жінок із станиць. Та біда в тім, що як значе оце начальство смотри та паради вигівать, так до самісінького вечора чорт його й одкрутить од їх!
 4-й козак. Та цить лишень — не дуже то вигукій! Бо як почує командір сотні Риштога, так ураз тобі зуби почистить.

1-й козак. А тобі мабуть доводилось куштувать павської долони, так ти й згадуєш... Де він у чорта візьметься, той Риштога? Він у станиці спить іше у подушках, откидавши ноги, — бо цілісіньку ніч, звісно, у клубі у карти грав, та горілку пив, а на зорі, як ми повставали, тільки спать уклався...
 3-й козак. Мовчи-ж, поки ще не битий! Ось урядник до нас іде...

Ява 2.

Підходить з правого боку урядник і стає проти конов'язі і козаків.

Урядник. *(Піднявши угору пліть у руці).* А ну, хлопці, смирно! Слухайте, що я казатиму! Глядіть мені, постарайтеся та добре почистьте коней, а як поснідаєм, так тоді підчорніть та налагодьте сідла і усю кінську справу, потім підготовте та поукладайте усе, що треба для похідного в'юку, щоб за час, за два було у вас усе чисте, справне і напоготові.

1-й козак. А хіба що, господин урядник?
 Урядник. Та цить, не поспішайся поперед батька у пекло, — слухай готового!

1-й козак. Винуват, господин урядник!
 Урядник. Прийхав цю ніч з Катеринодару Начальник Штаба Генерал Гершельман, та мабуть сьогодні зробіть смотр усім козакам... Чуєте?

Усі козаки. Чувмо, господин урядник!
 Урядник. Та глядіть мені, щоб усе було добре!
 Усі. Постараємось, господин урядник!
 Урядник. Та передивіться і почистьте добре мундири і усю парадну одіжу, — прямо, щоб усе блистіло і було, як нове! Бо сьогодні буде у лагерьх молебінь і парад... Чи всі чуєте, що я кажу?

Усі. Чувмо усі, господин урядник.
 Урядник. Хто не чув, або не розібрав, тому ростолкуйте, щоб усі знали.

Де-хто. Розібрали чисто усе, господин урядник, а хто не чув, той і сам допитається та й знатиме.
 Урядник. Василь Майстренко!
 Майстренко. Чого звольте, господин урядник?
 Урядник. Чи ти скоро упорашся з своїм конем?
 Майстренко. Та ось зараз уже буде й готовий.
 Урядник. Я знаю, що ти на усяке діло меккий і справний козак... Підеш у-осени на службу, так будеш скоро урядником.

Майстренко. Рад стараться, господин урядник, ще й охота є!
 Урядник. Візьми ж зараз та почисть коня сотника Риштоги.

Майстренко. Слухаю, господин урядник!
 Урядник. Та гляди добре мені почисть: щоб не було на коневі ні пилюночки, ні росиночки...

Майстренко. Постараюсь, господин урядник, — буде чистий, як скло!

Урядник. Петро Халабуда!
 Халабуда. Чого звольте, господин урядник?

Урядник. А ти, я знаю, теж справний козак. Візьми ти та почисть зараз мого коня. Та гляди постарайся, щоб чистий був, як і слід урядницькому коневі...

Халабуда. Слухаю, господин урядник.
 Урядник обходить на-ліворуч до других козаків.

Ява 3.

1-й козак. *(Побачивши, як полетів по-над конов'язью чорний жук).* Катеринівці, гей, Катеринівці! Дивіться, он ваша матка полетіла!

Молодий козак з очерединых. Яка-ж то матка? То полетів отой поганий жук, що у товариачому кирпичі доבעться...

1-й козак. Дурний ти, коли й того не знаєш! По нашому — жук, а по їхньому — матка... Катеринівці колісь, кажуть, замісто матки жука до бжіл посадили, так через те їх тепер отак і дражнять... Ей, Катеринівці! Ось і друга полетіла! Ловіть, ловіть та до бжіл посадить! Добра буде матка! Вона научить ваших бжіл, як з товариачого кирпичу мед робить!

Голос з другої конов'язи. Чого вигукуєш з дурного толку, як обчеський бугай! Адже-ж то у вашій Незамайській станиці сучка вбилась із давниці?

1-й козак. Та брешеш, бісова невіро, — того ніколи не було!

Голос з боку. Чого-ж там не було? Усі козаки давно кажуть, що то була правда...

1-й козак. Яка там правда, коли свята брехня! А от про ваших Шкуринців так правду кажуть...

Голос з боку. Що-ж про нас кажуть?

1-й козак. Кажуть, що дурніших за Шкуринців і у світі немає!

Голос з боку. Так зате ви розумні, коли у вас собаки у церкву ходять та на дзвіницю лаять... Га-га-га! *(Сміється).*

Де-хто з козаків. А ну, розкажи, Омельку, що про Шкуринців кажуть?

1-й козак. Як була позаторік холера, та скрізь по станицях багато людей умирало, так у Шкуринській станиці улітку загрузла під містком чьясь чорна корова. От Шкуринці і додумались з великого розуму, що то не корова, а сама холера; узjali дрючки у руки, та замісто того, щоб її вирятувать, під містком ту сердешну корову й убили!

Усі. *(Регочуть).* Га-га-га-га! От так Шкуринці! Розумні, бісові душі, — нічого казати!

Голос з другого боку. Де ж там розумні, коли навспражки дурні! Задарма бідну корову вбили! *(Сміється).* Га-га-га!

Шкуринський козак. А ти чого репетуєш, дурний тебе піп хрестив! Чи може, ти розумний?

Голос з другого боку. Ато-ж хіба ні? У мене, брат, і прозвище, або хвамілля — Розумний.

Де-хто. Он бач який вишукаєш!

Шкуринський козак. Видно тебе й збоку, що розумний, бо голова здорова, як у вола! Чи багато ж у вашій станиці отаких як ти розумних?

Один з козаків. Та якої-ж він станиці?

Другий з козаків. Оцей — головатий? Мабуть Старожабівки, чи то пак Старолягушівки.

(Де-хто сміється).

Старолеушківський козак. Скільки у нас розумних? На хвामілію, або на прозвище десятків з п'ять набереться, а як навсправки, так у нашій станиці усі розумні, — не такі дураки, як оті Шкуринці, що корову замісто холери вбили!

Усі козаки. *(Регочуть).* Га-га-га-га!

Шкуринський козак. Мовчи, чортове онудало, поки не битий! Сам ти дурний, ще й прицюцькуватий!

Старолеушківський козак. А ти прише-лепкуватий, та дурний, як вівця!

Ява 4.

Підходить до козаків приказний.

Приказний. А ну заведіться та ще побийтесь отут біля коней!.. Чого підняли крик та репет, наче перекупки на базарі?

Де-хто. Та то ми вшутки, господин приказний!

Приказний. Смирно! Годі вам розп'якувати та вигукувати на всі лагери! Швидче кінчайте уборку, ато он уже й снідання готове, — зараз покличуть.

1-й козак. Та ми уже й кінчаємо, господин приказний.

Приказний. Добре, коли так. Хто днювальний до конов'язи?

2-й козак. Ось — Яків Рудобаба!

Рудобаба. Я — днювальний, господин приказний.

Приказний. Гляди-ж, Рудобаба, добре пильнуй коло коней та дивись у об'є, щоб часом чого не злякались та не порозбігались.

Рудобаба. Слухаю, господин приказний.

Голов задалека. Передайте голос! Шоста сотня Уманського полка на снідання!

Козаки кінчають уборку і расходяться, остається коло коней тільки один днювальний.

Кінець першої картини.

КАРТИНА II.

Берег річки Сасики. З лівого боку росте у воді високий зелений комиш, а по над ним, ближче до берега, рогіз та куга. Самий берег заріс трав'ю, на котрій пасеться двоє спутаних упряжних коней. Дали, навкруги, розкинувся широкий лагерний степ, а за ним видко вітряки та зелені садки станиці Уманської. На праворуч, недалеко від берега, видніються лагерні постройкі та козацькі палатки, а поміж ними метушиться народ і чути, як грає духова музика.

На передньому плані стоїть гарна лівенька (ресорні дроги з боковими підніжками і крилами над колесами), обидві оглоблі підняті уверх і завшані од сонця квітчастим килимом. У холодочку, на розісланій білій широкій повсті, сидить під самим килимом, підобравши по турецькому ноги, дебелий, сивобородий урядник, у червонім параднім бешметі, обшитім галунами. Черкеска, кинжал і шапка висять зверху його, на оглоблі. Рядом біля його сидить молодий козак, теж у червонім бешметі, тільки без галунів, а над ним висить на другій оглоблі черкеска, шапка, кинжал та шашка під сребром. Проти їх сидить гарна, чорнобрива та повногруда молодиця і прислужує обом козакам, а сама раз-у-раз поглядає на молодого козака і все йому усміхається. На повсті розіслана біла скатертину, а на ній стоїть коло дебелиго урядника сулія з горілкою та чимала чарка з товстого скла, а посередині розложена усяка козацька страва: дерев'яна миска з сметаною, а кругом неї дерев'яні ложки; печені кури та пороса, сало, пиріжки з сиром та з потріпкою, а кругом страви різаний на шматки хліб, бурсаки, верегуни та орішки.

Ява 1.

Урядник. *(Бере в руки сулію з горілкою).* Ну, синку, сперва мабуть, по козацькому звичаю, випьем по чарці, а тоді вже візьмемось за їжу. *(Наливає в чарку).* Горілка — усьому голова. Козак без горілки ніякого діла не починає... Так воно повелось за дідів-

прадідів, так воно ведеться і тепер... *(Держить чарку лівою рукою, а правою христиться).* Слава Богу милородному, що терпить нашим гріхам та держить на світі! Нехай же там легенько згадається нашим домашнім та усім родичам, помершим душам — царство небесне, а нам пошли, Боже, на здоров'я. *(Перекидає чарку в рот).* Ех, та й добра видумка оця горілка, особливо у дорозі... *(Наливає чарку знову і подає молодому козакові).* А ну, випий тепер ти, Панько, бо у лагерьх тут, я знаю, не дають вам горілки і понохатя...

Козак. Та кой-хто і тут п'є, а нам — козакам не попадається... *(Бере чарку в руки і христиться).* Дай Боже благополучно скінчить лагерну службу та в добром здоров'ї вернеться додому... Спасибі вам, тату, що приїхали подивитись, як ми тут живемо та служимо, та ще й горілки привезли. Спасибі і мамі, що не забувають свого сина і послали усього, чого мені тут треба, і тобі, жінко, що постаралась усячини наготовила, та ще й сама приїхала. *(Перекидає чарку в рот).*

Молодиця. На здоров'я.

Урядник. Добре ти, Панько, до чарки приказуєш, їже ти Богу, добре! *(Сміється).* Ге-ге-ге! Бач, подякував батькові й матері, а тоді ще й жінку підхвалив, щоб своє діло знала та чоловіка більше кохала... *(Моргає молодиці, а та соромливо нахилила голову).* Та не соромся дуже, Явдохо, то-ж я шуткую!.. Знаю я, що ти дуже рада, що свого чоловіка сьогодні побачила... Що-ж, ваше діло молоде: кохайтеса собі, бо так воно й треба... Ну, Панько, закускою, чого Бог послав, та випьем ще й по другій... *(Наливає).*

Козак. А може то, тату, дуже часто буде?

Урядник. Та ні, де ж там часто? Треба випити і по другій, бо чоловік на одній нозі не ходить, а на двох... Адже-ж так, Явдохо?

Молодиця. Авже-ж що так...

Урядник. Чуєш, що Явдоха каже? Треба випити по другій, а тоді вже приймемось і за їжу як слід, — вона од нас не втече... *(Держить чарку перед собою).* Ну, дай же, Боже, щоб ти, синку, лагери добре одбув, та швидче додому вернувся! *(П'є).*

Козак. Пошли, Господи.

Урядник. *(Наливає другу і подає синові).* Ось на випий, побачиш, яка добра! Ця далеко солодча за перву...

Козак. *(Бере чарку).* Дай, Боже, щоб добре пілось та ілось, а робота щоб і на ум не йшла! *(П'є).*

Урядник. *(Сміється).* Га-га-га! Добре, синку, оце добре! На сьогодні так і треба, щоб цілий день пілось та ілось, а робота нехай підожде до понеділка... Чи так, Явдохо?

Молодиця. А звісно, що так, тату! Яка ж сьогодні робота?

Урядник. Ну, а ти, Явдохо? Треба ж і тобі чарку випити, чи як?

Молодиця. Та пийте уже ви, а я не хочу. Ви ж знаєте тату, що я горілку не люблю пийти, бо вона дуже гірка...

Урядник. Е ні, сьогодні треба випити, бо ти ж до чоловіка в гості приїхала... *(Наливає і подає).* Випий уже одну за його здоров'я...

Молодиця. Не хочу, тату, не хочу...

Урядник. Як? За здоров'я чоловіка випити не хочеш?

Козак. Та випий уже, Дунько, бо справді ти ж до мене в гості приїхала...

Молодиця. *(Соромливо бере чарку)* І видумують Бог-зна-що... Пили-б уже самі, а мені й без горілки добре...

Урядник. Випий, випий, Явдохо, буде уже тобі костричитися...

Молодиця. Ну, дай Боже, щоб ти, чоловіче, живий та здоровий додому вернувся. *(Отпиває трохи і вертає чарку).*

Урядник. *(Отхлює чарку).* Ні, так не годиться! Випий до дна, щоб не було ворогам добра...

Молодиця. От лихо мені з цією чаркою... *(Випиває всю і вертає чарку).*

Урядник. Ну, от і добре! Люблю, що слух'яна ти дитина, Явдохо! Слухайся добре батька й матері, а

найбільше слухай та люби свого чоловіка, так усе буде добре.

Молодиця: Чого вам, тату, зараз нарізати: порсягини, чи курятини?

Урядник. Ось сиди лиш смирно, Явдохо: ми тут і без тебе упораємось. Страва лежить перед очима: кому що наравиться, те він і їстиме. А ти й сама, дивлячись на нас, не лінуйся, та їж по козацькому.

(Усі приймаються за їжу).

Ява 2.

З правого боку підходить до їх молодий, бадьорий вахмістр, одягнутий у парадну хворму.

Вахмістр. Хліб та сіль!

Урядник. Спасибі. От і добре, що встигли як раз ні обід. А ми ждали-ждали, та оце тільки що випили з сином по чарці та й заходились їсти.

Вахмістр. Трохи запізнівся з своєю сотнею: то одно, то друге задержує, так я здав сотню старшому уряднику, та аж тоді тільки одкрутив од діла...

Урядник. Ото й добре зробили! Скидайте ж чекмінь і усі причадали, та сідайте ось рядом зо мною.

Вахмістр. Так що-ж, — я не од того! Де не сісти, то сісти, аби було що звісти! (Скидає з себе чекмінь і всю муницю і сідає коло старого).

Урядник. Та слава Богу, ізвісти є чого: ось невістка моя не полінувалася — наготовила...

Вахмістр. Це-б то Панькова дружина?

Урядник. Еге.

Вахмістр. Та я зразу догадався... Панько і сам дуже бравий козак, а бач і молодицю собі гарну підбрав... якраз до пари...

Урядник. Нічого, добра дитина, бо хорошої й породи: у неї батько й мати дуже гарні люде... Ну, а що там зараз робиться у лагерьх? Сюда тільки чуть, що музика раз-у-раз грає, та все неначе щось швидке...

Вахмістр. (Махнувши рукою, як напропале). Тепер там панство наше таке гульбище підняло, як ото буває на мясяниці перед великим постом.

Урядник. А що-ж? Які-б вони були й пани, як бя не вмiли добре погулять: панство скрізь на гульню здатне.

Вахмістр. Та це правда, а все таки наше станіше панство так не вмiє як городське. Сьогодні гульнею заправляє сам генерал Гершельман, що учора приїхав з Катеринодару. От пан, так пан: прямо справжній запорожець! Ніхто б і не повірив, що з німців та отакий виїде козарлюга завзятий.

Урядник. А хіба він з німців?

Вахмістр. Не з німців, а прямо настоящий він німень і єсть, тільки учився видно у руських школах.

Урядник. А бач на молебні та у параді він мені показався неначе дуже строгий...

Вахмістр. Так він такий і є: щирий у службі і завзятий у гульні. Він усім так і каже: „служба — службою, а гульня — гульнею“. І вже як розгуляється, так хоч як добре випьє, а ніколи не побачиш його п'яним, а все тільки веселий, швидкий і до всіх прихильний.

Урядник. Еге. Так у його справді козацька удача.

Вахмістр. Я-ж кажу, що справжній козак, куди не поверни! І все зирить за там, щоб усі гуляли, як слід — по козацькому: щоб і пісні співали, і танцювали, і усім щоб було весело.

Урядник. Бач, який!

Вахмістр. І коли-б він не приїхав у лагерь, так усякий раз буває отакечки: у службі він усім вставить толку, а дійде діло до гульні, так і там він спереду усіх.

Урядник. Молодецький пан, що й казати!

Вахмістр. Куда там! Не тихий, як оті пани, що з москалів, а служать у наших козачих полках: усі вони через міру горді, високо себе ставлять, великі хвастуни та задаваки, а як у службі, а особливо на смотру перед вищим начальством, так там один за другого ховаються, або поробляться хворі... А що козака, або салдата так і за людину не приймають: нижній чин по їхньому гірше собаки...

Урядник. Еге, оце свята правда, — знаю я про

те добре. Так воно було ще й тоді, як я служив на Кавказській лінії. Був у нас один раз за командира полка підполковник Верьовкин. Щось не довго він у нас і був, так, місяців з десяток, або й менше, бо знаю добре, що году він не вибув, а подався уп'ять к бісовому батькові у свою Росію. Так отой Верьовкин був справжній, або, як ото кажуть, репаний москаль. Росказували опіся, що чимсь він у Росін дуже був проштрапився, так його, раба Божого, й послали на виправку до нас — на Кавказську лінію.

Вахмістр. Мабуть натворив чогось дуже поганого, коли із своєї часті витурили, та ще й заслали аж на Кавказ.

Урядник. Мабудь що так. От одного разу прийшла до нас чутка, що на Кавказ приїхав великий князь. І що він скоро побуває скрізь по кавказській лінії. Не скажу зараз, забув уже, который то був князь... чи Микола, чи Михайло, чи бо який другий... Таки справді зараз забув, а тоді бач знав... ну, та нехай!.. Як прочув же про те наш Верьовкин, так зовсім перелякався, та й надумав зробити опрабацію, щоб дознаться, як воно буде на смотру: чи дуже страшно? Зібрав він увесь полк, зробив нам кой-яке учення, а потім об'явив, що на другий день приїде великий князь, так щоб усе було для смотра готове. Рано утром покликвав він до себе вахмістра однієї сотні, звелів йому узять з десяток козаків, виїхати за одну гору і там сховатись, а через час, або два щоб їхав назад до полка, мов би то іде сам великий князь... Еге. Отак, бач, зробив!.. Ну, як зібрався наш полк і стояв уже готовий для смотра, — дивимось, — ось із-за гори іде великий князь, а кругом його с десяток усякого начальства, та всі чисто в бурках, бо було таки мокро і холодно. Ніхто у полку не знав, що то іде наш вахмістр, а командир сам направив ту кумедію і добре про те знав. Одначе, як дійшло до самого діла, так він так перелякався, що через велику силу скомандував: „Смирно! Шашки вон!“ — Став він підіздати з рапортом, а в його з руки якось і шашка випала... От він тоді як замахає рукою на вахмістра, та як крикне: „Назад! Назад! Пропаді ти, ішезні, чоргов син, так меня науужал!“ — та після того аж захворяв був, бідний пан, та наробив сміху на увесь полк...

Вахмістр. (Сміється). Га-га-га-га! Добрий вояка, нічого казати, коли й шашка з рук випала!.. А що-ж було тоді, як той князь справді приїхав?

Урядник. Та було у нас усе добре, тільки командир Верьовкин на той час зробився дуже хворий і на смотру його зовсім не було... корчій чи що на його напад, лежав, кажуть, на кроваті та все трусився... А після того щось скоро і полк він здав, а сам к бісовому батькові кудись подався...

Вахмістр. Ото так командир був, чорти б його вбили! Таких командирів я ще й не бачив, а оце тільки од вас почув.

Урядник. Еге. Бувають усякі, — особливо з москалів... Та дур йому! Чого це ми, справді, узялись так гаряче за панів балакати, а горілка даром ось у сулії стоїть!.. Давайте, лишень, випьем по чарці, щоб дома не журились... (Наливає). Дай же, Боже, щоб усе у нас було добре та жеже! (П'є).

Вахмістр. Пошли, Господи! (Дивиться до лагерь). А ондечки іде до нас неначе якийсь отаман... видно, як коло шашки темляк теліпається...

Урядник. Та то ж наш — Неземаївський!

Вахмістр. Горбач? А справді мабуть він!

Урядник. Та він же! Бо сам він мені казав, що прийде сюди, як одкрутити од панів. (Наливає і подає чарку вахмістрові). А ну, випейте тепер ви.

Вахмістр. За ваше здоров'я! Дай, Боже, швидче нам справиться з цими лагерьями та їхать додому, бо там робота нас дожидає.

Урядник. Дай, Боже!

Вахмістр. (Дивиться знову туди, де йде отаман). Ех, та й бідовий же у вас отаман! І швидкий, і меткий та ще й дуже розумний! А через те куди він не повернеться, скрізь він первий і на всяке діло самий справнийший.

Урядник. Еге. Супроти нашого отамана другого на увесь одділ не знайдеться, через те ж його і

обчество наше шанує і держить без-змінно на отаманстві. Шість літ він прослужив під ряд, а оце обчество знову оббрало його на третє трохліття...

Вахмистр. Та мало того, що справний і розумний, а ще до того дуже таки бідовий та сміливий чоловік; як з начальством балакає, так не боїться ні тучі, ні грому: рубає, як сокирою, а тільки усяке його слово приходиться у діло і начальство його таки дуже слухає...

Урядник. Не даром же, як наш Наказний отаман їздив у той Питінбурх на царську коронацію, так з усіх отаманів вибрав нашого Горбача... А там, як дійшла, кажуть, черга нашій Кубанській депутації балакати з царем, так усі боялись рота роззаявить, а наш Горбач як приступив, та як узаявся, кажуть, балакає з самим царем, та з царицею, так прямо зачудив усіх у дворці... А він у нас на балачку таки дуже великий майстер. Так він як зачав розказувати царю й цариці, що у нас на Кубані робиться, як живуть козаки, як козачки родять усе по два сина, корови по двоє телят, а свині по шіснадцять поросят, так сміялись і царь, і цариця, і усі придворні... А народу-ж, або усяких там депутацій було у дворці зібрано прямо з усього світа... Та отакечки і вибалакав собі золоту медалю на шию, бо на груди золоту й сребрянну він своїм отаманством ще раніш заслужив... Звісно, царь не даром ту медалю йому начепив, бо дознався у Наказного Отамана, що Горбач найкращий отаман на всю Кубань.

Вахмистр. І уродиться ж на світ отакий на усе тямущий чоловік.

Ява 3.

З правого боку підходить до їх Незамайвський отаман Горбач — дебелий урядник у парадній хвормі з медалями на грудях і на шії.

Горбач. *(Весело й привітно).* Здорові були, Незамайвці та Кушівці!

Урядник і Вахмистр *(разом).* Здравія жалаю, господин отаман!

Горбач. Та сидіть, сидіть, чого ви підводитеся? Я ось скину свою муніцію та й сам коло вас сяду...

Урядник. Милости прошю, Данило Васильович! Скидайте усі ваші заслуги, та сідайте ось поруч зо мною, та зараз по козацькому випьем горілки по чарці.

Горбач. Еге, як що по чарці є, так то й добре. Бо наші діди-прадіди отак приказували: по чарці — по парці, та виять по п'ять, та всім по сім, та по стакану, та й станемо на стану.

Вахмистр. Дуже розумні були наші предки: вони і діло досбре робили, і горілку гарно пили, та ще й приказок усяких, розумних або веселих, багато повідумували.

Горбач. А знаєте, для чого я оцю приказку задавав?

Урядник. Як що скажете, то й ми будемо знати.
Горбач. Ось зараз усі отамани, та й я з ними, випили у лагерьх горілки по цілому чайному стаканові, як раз, як у оцій приказці говориться.

Урядник. Чого ж то так? Хіба у тому лагерному трахтирі, чи кобельдоті чарок не було?

Горбач. Та ні, чарок там хватить, а діло було ось як: Отаман одділа Черник послав усім отаманам приказаніє, щоб явились сьгодні у лагері. З'їхались ми, питаємо у лагерях: на що нас зібрано? — Ніхто нічого не знає. Та уже після параду покликав нас Черник і давав усіх лаять, що ми недобре тобто постарались і ще у лагерях не усе було справно. Стоїмо ми усі та мовчимо, бо що-ж йому скажеш, коли він такий уже сердитий чоловік; хоч як йому постарайся, а вже він що-небудь викопа, а тоді покличе усіх, та й почне скребити редьку. А як що усе буде дуже добре і справно, так тоді мовчить: похвалить чоловіка за добру службу — того у його нема. Стоїмо ми отак та слухаємо лайку, коли ось, бачимо, виткнувся Начальник Штаба Гершельман, прислухався трохи до лайки, та тоді зразу підійшов до Черника та й каже: „Чи ви, полковник, уже скінчили?“ — „Та вже“, — каже той нехотя. Тоді приступив до нас Гершельман і давай нас хвалить, що ми самі найкращі у всіх ділах робітники, а для начальства перші помішники, і що на нас уся надія, а без нас начальство як без рук. А Черник стоїть ззаду його, та тільки сердито чмихає собі під ніс. Хвалив-хвалив нас отак Гершельман, а далі й каже: „Отамани! Гайда за мною, — випьем по чарці!“ — та й привів нас до того лагерного шинку, чи чорт батька його знає, як його звать. — „Наливай, каже він, торговцеві, отаманам горілки“. Той пощитав нас усіх пальцем, та й налив для кожного особу чарку. Несе він нам чарки з горілкою на підносі, а Гершельман побачив та й питає: „Ето что?“ — „Горілка господам отаманам“. А той як крикне: „Да ти что, с ума сошел? Вот етім героям-атаманам подношишь какіе то наперстки? Налей нам всем чайниє стакани!“ Той поналивав і приніс повнісінькі стакани. Узая Гершельман один, звелів і нам узять по стакану, та й каже: „А нуте, випьем по повній, щоб наш вік був довгий. Ваше здоровье, отамани!“ Та й вижлуктив увесь стакан до дна, а ми, дивлячись на його, та й собі отак. Ех, та й гарний чоловік оцей генерал Гершельман, — козацька у його душа, та й годі!

Урядник. Ми уже тут балакали про його: дай Бог йому здоровья — піддержує наше козацтво... Ну, а тепер, Данило Васильович, давайте ми випьем по своєму, по козацькому — усі однією черговою чаркою, та гарненько пообідаєм. *(Наливає під ряд, усі п'ють і приймаються за їжу).*

Кінець другої картини.

Любовь Самсонова. *(Прага).*

* * *

В поздний вечер

Стонет ветер...

За станичным тыном

Мать плачет над сыном —

Где мой сынок, где заветный?..

А ветер стонет ответом

Нету!..

Ветер кутает степь во мгле,

Мать приникла грудью к земле;

Рвется стенами матери грудь,

Свете тихий!

Кто скажет матери

Забудь!

Плачет, бьется до полуночи:

Сыну смерть выела очя.

Не за лесом кукушечка кукует,
Мать сиротинушкой плачет горюет...
Или я в Бога грешная не верила,
Что тебе сполна жизни не намерила?..
Или то я тебе у судьбы просила
Что крест черный да в степи могилу?..
Иль на то берегла тебя да холила
Чтоб тебя жизнь обездолила?!
За что мне горькой по свету маяться,
Чего просить мне да в чем каяться?!
Сыночек, дитятко родимое,
Холеное да любимое!..
Стонет, бьется голубкою сизой,
Вечер покрыл ей голову ризой,
Шепчет ей в уши тихой усладой:
Встретишься с сыном
За Божьей оградой..

А. Бояринов. (Франция).

У тихой пристани.

— Как это случилось с Василием Петровичем?.. Вот несчастный человек. Расскажи, пожалуйста — я, ведь, до сих пор толком ничего не знаю.

— Еще бы знать — закопался где то в Пиренеях и даже адреса не сообщил. Воображаю — земледелец...

— Ну, о земледельце... мы это потом. Рассказывай про Василия Петровича. Бедный Василь!

— Да-а, батенька мой, кто мог подумать — такая светлая голова. Помнишь, у него все, ведь, на логике было построено — на предпосылках и выводах. И вдруг... А причиной всему нансеновский паспорт.

Вы там, в ваших Пиренеях, не можете себе представить, какая у нас в третьем году была горячка с карт д'идантитэ*) и с нансеновскими паспортами. А мы тут, в Париже, с ума сходили. Ждали всяческих скорпионов.

Слухи ползли — один хуже другого. Каждое утро, купив газету, прежде всего искали, что говорится об этих злополучных документах.

Ни китайская междоусобица, ни разрыв Англии с советами, ни борьба Сталина с Троцким нас и в десятой доле не занимали так, как эти бумажки.

Да и было, от чего волноваться. Не помню точно, но, кажется, подсчитывали 350—400 франков расходу на персону. Капитал, друг мой! Но страшнее всего было распоряжение, чтобы иностранные рабочие занимали места, соответствующие их профессии, отмеченной в документах о личности. Иначе — вон!

Мы с Василием Петровичем работали в одном Либрэри. Это — крупное издательско-посредническое дело. Кроме нас, там много было и других эмигрантов всяких чинов и рангов: генералы, полковники, прокуроры и проч. бывшие люди.

В большинстве, народ или пожилой или с физическим изъянцем — к тяжелому труду неспособный.

В Либрэри мы с своим делом справлялись отлично. И если бы нас оттуда выкинули, это было бы катастрофой, ибо, при наличии безработицы, найти себе место не только нашему брату, старику, но и молодому было трудно.

Приехали во Францию все эти генералы и прокуроры — кто переплетчиком, кто музыкантом, коммерсантом, механиком. Чорт его знает, зачем мы поцепляли на себя эти марки. Нужно было быть просто маневром**) — и отлично.

Василий Петрович, кажется, числился мельником. Откуда почтенный казачий полковник старой армии вытаскил эту профессию — одному Богу известно. Кажется, в Сербии жил около водяной мельницы и поэтому воображал себя мельником.

Чтобы остаться на своей работе, нужно было в Министерстве Труда хлопотать о перемене профессии — мельника, скажем, не маневра-специализе. Все — нервничали. Слухи, говорю, один тревожнее другого, ползли среди эмигрантов — Министерство Труда яко бы ставило затруднения чуть ли не с целью: совсем избавиться от иностранцев...

Перспективы были трагические: заработная плата в Либрэри ничтожная, сбережений никаких.

Василий Петрович, как и все мы, получал 650 фр. в месяц. Нина Георгиевна, его жена, зарабатывала вязаньем около 7 фр. в день. На эти 800 франков старики кое-как сводили концы с концами. Разумеется, заплатить за карт д'идантитэ и за нансеновские паспорта, за двух персон, что то около 700 фр. никак нельзя было. А если еще не удастся из мельника превратиться в маневра-специализе и быть выкинутым на улицу?.. Василию же Петровичу и Нине Георгиевне, как ты сам знаешь, идет седьмой десяток.

Впоследствии все это образовалось, но в то время было, о чем тревожиться.

И спокойный, уравновешенный Василий Петрович, видимо, очень волновался и, как бывает у людей его

складки, особенно тревожился за судьбу жены — добрейшей, милейшей Нины Георгиевны, но беспомощной старой институтки.

Каждое утро, перед началом работ мы, эмигранты, собирались в ателье побеседовать на злобу дня. В то время единственным „проклятым вопросом“ для нас, конечно, была предстоящая выправка документов.

Но ничто так не волновало и не возмущало Василия Петровича, как необходимость получения нансеновского паспорта.

— Платить за карт д'идантитэ — что же, я это понимаю, рассуждал Василий Петрович. Мы пользуемся гостеприимством Франции. Они хозяева. Во имя соображений государственного порядка они нас приняли, как рабочих; во имя тех же соображений могут нас выбросить; могут сделать на нас налоги. За ними и право и логика. Но, вот, что я отказываюсь понимать. Нансеновское учреждение призвано заботиться о нас, помочь нам, бездомным, гонимым, действительно несчастным, более несчастным чем любой нищий француз, ибо он имеет родину и все гражданские права. Во что же выливается эта нансеновская помощь — в то, что я должен платить 5 золотых франков, и я и жена, 65-летние нищие старики. За что? За бумажку, которая абсолютно ни для чего не нужна. Хороша забота. Мне это напоминает судьбу наших донских верблюдов. На этих верблюдах ездят верхом, везут тяжести в телегах, доят их и еще и стригут, а забота состоит в том, чтобы выгнать их для попаса на колючку, что в изобилии растет около дворов. Верблюды этой колючкой и питаются. Так и мы, извольте питаться колючкой, а шерстку, т. е. пять золотых франков, отдай...

Почему сравнение с верблюдами понравилось бедному Василию Петровичу, какое он сходство нашел в судьбе беженцев с этим почтенным животным — одному Богу известно. Но только с тех пор всякий разговор на „проклятую тему“ Василий Петрович обязательно заканчивал словами: „Да-с, так то — сам иди на колючку, а шерстку отдай, хэ-хэ-хэ!“

В одно утро, когда мы собрались на обычную беседу, подходит с сияющим лицом Василий Петрович и говорит: „А я видел сон, интересный сон!“

— Какой?

— Да как будто я очутился в наших донских степях. Весна. Простор. День чудесный, теплый. Нежный, чуть влажный ветерок, надушенный цветами и острым запахом полыни. А по степи верблюды, верблюды — целые стада, а недалеко по над оврагом или, как у нас говорят, над балкой скачут в перегонку калмыки на верблюдах. Я как будто тоже превратился в верблюда, сел на него и тоже помчался... И так хорошо. Мягкий, теплый ветерок так тебя и нежит и ласкает, как в хорошей, душистой ванне...

— Т. е. как же так, Василий Петрович, вы же и верблюд и ездили на нем?

Ну да, вот пойдя же ты... Был верблюдом и на нем ездил.

С тех пор произошла очевидная перемена в Василии Петровиче. Стал молчалив и замкнулся в себе. Только иногда улыбнется хитро и проговорит: „Да-с, когда я был верблюдом и на нем ездил“... и расхохочется. Да так заразительно, что и соседи не могут удержаться от смеха.

Через некоторое время — скажем, через неделю после своего сна, Василий Петрович, работавший, как всегда над вязкой пакетов из газет и журналов, взял пакет „Иллюстрированной России“ в 100 экземпляров, положил его на голову, сел на движущееся „тапи“... Тапи — это широкая, около аршина, лента, двигающаяся на шкивах и автоматически доставляющая связанные нами пакеты к отверстию, через которое они летят куда то вниз, в другие этажи. Сел Василий Петрович на это тапи, вытянул вдоль ленты ноги, держит на голове пакет, блаженно улыбается своим, похожим на печеную тыкву, лицом и возглашает: „Когда я был верблюдом и на нем ездил“... А тапи несет его вместе с

*) Документ о личности.

**) Чернорабочим.

другими пакетами к отверстию. Все остолбенели, глядя на него, и не знали, что делать. Только перед самой дырой бывший член Окружного суда схватил Василия Петровича и снял его не без труда и не без помощи соседей. Туша, ведь, он порядочная. Случилось это в конце рабочего дня. Шефы не видели, — слава Богу.

Публика посудачила, покрутила недоуменно головами; французы постучали себя пальцами по голове. И пока на этом кончилось...

На следующий день Василий Петрович на работу не пришел. Сердце у меня ныло в предчувствии беды.

Так оно и вышло. Прихожу я в свой отель, а около входа меня ждет Нина Георгиевна — заплаканная, совсем растерянная.

— Дорогой Иван Иванович, умоляюще просит, ради Бога, идите к нам. Я не знаю, что такое делается с Василием Петровичем.

— Да что с ним?

— Идите, пожалуйста, скорее — сами увидите. Я его оставила одного и боюсь, не случилось бы чего. Он утром задумал изобразить верблюда и разбился...

Жили мы недалеко друг от друга — всего в нескольких шагах.

Входим в номер. Ничего — Василий Петрович лежит на койке под одеялом. Увидел меня и расхохотался, да так заразительно весело, что я тоже не мог не рассмеяться и подумал: „Слава Богу — кажется, ничего страшного нет“.

— „Ха-ха-ха“, продолжал Василий Петрович: „когда я был верблюдом и на нем ездил“... И залился еще громче, еще заразительнее. Потом вскочил с постели с легкостью, которую трудно было ожидать от его полновесной шестидесятилетней туши, и в одном белье, поддерживая широченные кальсоны кончиками пальцев, как балерина юбку, пустился вокруг комнаты какой то странной иноходью, очевидно, подражая верблюдам.

„Когда я был верблюдом и на нем ездил... Вот так, вот так“... приговаривал Василий Петрович и кружил иноходью по комнате.

Понятно, я был ошеломлен и в первые минуты не нашелся, что делать. Бедная Нина Георгиевна стояла, плакала и умоляла: „Василий Петрович, ляг на постель — что ты, что ты, Господь с тобой!“

Продолжалось, это, впрочем, недолго. Старое тело быстро устало. Василий Петрович зацепился за ножку стола и загудел на пол вместе с посудой.

С большим трудом мы с Ниной Георгиевной подняли его и втащили на койку.

Бедный Василий Петрович совсем разбился. Из носа и из губ текла кровь. На лбу тоже была изрядная ссадина. Потянув ладонью, он размазал кровь по лицу, посмотрел на окровавленную руку и снова захохотал: „Когда я был верблюдом и на нем ездил“...

Без содрогания не могу вспомнить, как эта кровавая маска заливалась самым веселым, неудержимым детским смехом. Бедная Нина Георгиевна, что она пережила!..

Я побежал к знакомому врачу...

Рассказчик на минуту замолчал.

— Ну, что же, спросил я, что же дальше?

— Ну что же? отправили в дом сумасшедших. Вот уже третий год, как он там.

— Ты видел его, был у него? Есть надежда?

— Никакой!

— Ах, несчастный!

— Ну, это вопрос. По нашему — может быть, да! А он сидит, повторяет одну и ту же фразу: „Когда я был верблюдом и на нем ездил“... и заливается неудержимо веселым, детски счастливым смехом.

Ив. Томаревский.
(Болгария).

ЖУРНАЛУ „ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО“.

Тебе, журнал Казачьей Воли,
Маяк во мраке наших дней,
Борец в казачьей горькой доле,
Скажу — вперед! Вперед смелей!..

Твои слова — заветы дедов
Великих предков на степи,
Скрижаль Казачества обетов —
Отдать за Волю свои дни.

Тебе, журнал, цветок прелестный
На ниве жизни-бытия,
За лозунг твой, давно известный,
Несу привет-поклон и я.

Ты всей душой открыто, смело
За Волю старую стоишь,
За жизнь казачью — свое дело —
Лишь правду-матку говоришь.

Привет тебе, наш светочь Воли!
Привет от вольных казаков!
Фундамент крепкий ты на поле
Казачьих будущих веков.

Борис Кундюков.
(Белград).

* *
*

Посвящается Кавказским повстанцам.

О, ненависть!.. Подруга скорбных дней,
Огнем своим опять Ты нас согрела.
Опять вскипела кровь, и мысль стала пьяней
И воля бешеная вновь окаменела...

Дыханием порывистым полна,
Вздымается вся грудь... Неумолимо
Глаза горят... Как катится волна,
Стремленье так влечет неудержимо...

Казачество, сочти свои ряды!
На черном небе гаснет звезд горенье,
Свет близок, за окном — конец ночной беды,
Приблизилась пора борьбы и дерзновенья...

Поэт, разбей тоскующую лиру,
Долой кирку, рубанок и топор —
Все на восток лицом — вещает всему миру
Свет наступающий: ожил степной простор!!

В горах от выстрелов проснулось снова эхо —
То горец и казак торопят светлый день...
Приблизилась пора — кровавая потеха,
Крылатая Свободы взвилась тень...

Петр Крюков. (Франция).

ДВА ВЫСТРЕЛА.

I. Кондратий Булавин.

(Старочеркасск).

Позабывтый, покинутый всеми,
Одинок и не понят — Кондрат
У окна куреня, стиснув зубы,
Вспоминает: продал брата брат.
И не только что брата родного, —
Продав в рабство седого Отца,
Мать-старушку... и снова сурово
Смотрят очи на грудку свинца,
Что насыпана с порохом рядом
(Две пистолы турецкие — здесь!)...
Осмотрел все недрогнувшим взглядом:
— Вот запас огневой мой и... весь!..
И невольно вздохнул... Вишь: неожиданно
И негаданно гром прогремел.
— Эх!.. Проклятье!.. Ну, как ты, Кондратушка,
На груди своей гадов пригрел?
Проглядел?.. Аль не слышал?.. Все верил,
Что, как ты, — за одно казаки?..
Проглядел... прозевал... не проверил:
Все-ль на страже священной Реки?..
И теперь... Что-ж?..

Кондрат сдвинул брови;

Загорелись пожаром глаза...
— Нет!.. Не видеть, знать, мне былой Воли!
Все погубит та ведьма — Москва!
Дон родимый зальет нашей кровью...
Изведет... изведет казаков!
Может вскоре не будет в помине
Наших вольных Донских городков?..
Обезлюдеет Дон... запустеет...
Эх, вы!.. Милые братья-Донцы!
Побоялись Москвы-сиволопой, —
Покорились... продались... эх, вы!..
.....

За окном куреня раздаются
Голоса оголтелой толпы.
Усмехнулся Кондрат: вишь, как рвутся
К Атаману московские псы!
Да бояться, вишь: волк-то опасен,
Хоть затравлен, а все же силен...
... Посмотрел за окно и... поднялся...
Один Зершиков продал свой Дон!
Он один... остальные сурово,
Молча смóтрят на царских стрелков...
— Чем же?.. Чем разбудить мне ту совесть,
Что таится в сердцах казаков?..
.....

— Вот уж тебе будет, изменник,
Царю-батюшке, матке-Москве!
Надоело сидеть на плечах-то,
Знать, казацкой разбойной башке?..
Погоди-ж ты!..

... Толпа отшатнулась... —

У окна... Атаман Булавин!..
Поднимает пистолю... — Прощайте!..
Казаки!.. Я остался один,

Защищая казацкую Волю,
Защищая родимый наш Дон...
Бог-судья вам!
. По Дикому Полю

Атаманского выстрела гром
Прокатился зловещим раскатом...
Застонал... зарыдал... и... затих...

Что-ж, в казачьих сердцах дремлет совесть?..
Да и есть-ли еще она в них?..

II. Алексей Каледин.

(Новочеркасск).

Над Черкасском — суровые тучи...
Красным заревом плещет пожар.
Дон родимый струей иссякает:
Так бросается огненный жар!..
В Атаманском дворце — полутемно...
Тихо... словно в гробу... Атаман
Каледин, мрачно взад — вперед ходит:
— Вишь!.. Проклятый московский дурман
Опьянил... обезразумил вольных,
Да доверчивых сердцем Донцов!..
Дон!.. Дон родной уж продали...
Чьей рукою убит Чернецов??
Опьянили московским развратом
Москали удалого Донца;
Позабыл он про древнюю Волю;
Позабыл про... родного Отца...
Поднял руку на брата родного,
В степь казачью пришельцев впустил...
Нет! Не видеть мне дня золотого —
Дня свободы!

На грудь опустил

Поседевшую голову больше
Вечно тихий — Донской Атаман.
Еще больше задумался... — Полно!
Ведь не надолго этот дурман
Опьянил нагло-красным туманом,
Одурачил Донских казаков!..
Да!.. Не будь я Донским Атаманом —
Не носил-бы я этих оков!..
Срам... позор... — на меня все ведь ляжет,
Если Дон встрепенется опять!
Что же делать?.. Бежать от позора?..
Нет! Не мне — Атаману — бежать!..
Я бессилен теперь, но... есть средство
Разбудить в сердцах вольных Донцов
Совесть, честь, любовь к Воле старинной...
К вам иду я... вы! тени борцов
За степную казацкую Волю,
За родимый и вольный наш Дон!..
Я иду!

И по Дикому Полю

Атаманского выстрела гром
Прокатился зловещим раскатом...
Застонал... зарыдал... и... затих...

Что-ж, в казачьих сердцах дремлет совесть?..
Да и есть ли еще она в них?..

Неизбежное столкновение.

В XVII в. на востоке Европы существовали два мира, два государственно-политических организма, две основы общественно-народной жизни.

С одной стороны, на севере, Московское царство, а с другой — на юге Казачья республика. В первом иерархическая лестница: самодержавный царь со своим бесконечным, ничем неограниченным произволом; за ним — „царские слуги“ — бояре и воеводы, льстивые и раболепные перед своим господином, но заносчивые, деспотические, самодурствующие перед ниже собою стоящими; а под ними, составляя основу и опору своих „хозяев“ — бесправное, нищее рабское крестьянство на положении домашнего животного. Полное господство рабства, лести, лжи, пресмыкания...

А во втором, т. е. в Казакии господство начала свободы, равенства, братства. На верху — избранный Атаман, а за ним свободные граждане своей республики. Равноправие населения, право избирать и низлагать своего главу, религиозная, политическая и хозяйственная свобода: красивая, вольная (хотя часто и отягчаемая войнами) жизнь на безграничных степях...

Два явления, по своей природе и содержанию взаимно друг друга исключают: там — рабство, здесь — свобода; там — мертвящий подневольный труд, здесь — свободная инициатива свободных и равноправных граждан; там — нищенское, животное существование многомиллионных крестьян-рабов, а здесь — свободная, рыцарская, бранная жизнь.

Естественно, Казачий Юг являлся соблазном для всех, кто нечеловеческим стоном стонал под безграничным произволом царя, бояр и самодуров-помещиков. И люди бежали в свободные Казачьи Республики. (Не эти „беглецы“, конечно, составили Казачество, как многие русские историки „научно“ доказывают).

Для Московского государства, основанного и существовавшего на рабовладении, на жестоким подавлении человеческой личности, свободный Казачий Юг сам по себе являлся величайшим „злом“, с которым необходимо было бороться и во чтобы то ни стало уничтожить. К тому же, „верные холопы“ царя — бояре и помещики — беспрестанно наседали на своего царя, требуя скорейшего искоренения казачьей свободы, ибо их рабы-крестьяне бегут к казакам, что лишает их, бояр, возможности „верою и правдою“ служить своему царю и поставлять ему войско.

Московские цари знали, что казакам их земля и свободная жизнь на ней не даром даются; знали, какую частую и напряженную борьбу ведут казаки с другими сильными и воинственными народами за свою землю, за право свободно на ней жить. Бороться и уничтожить Казачество, это значит — столкнуться лицом к лицу с еще более сильными врагами — с турками, татарами и др. народами, с которыми Москве не спра-

витель. Получался заколдованный круг: необходимо уничтожить Вольное Казачество, ибо оно одним фактом своего существования подтачивает и разрушает основы Московского государства. Но, вместе с тем, нельзя его уничтожить, ибо за ним придут еще более страшные враги!

Такое положение продолжалось долго, пока, наконец, соотношение враждебных Москве сил на Юге не изменилось в пользу Москвы и пока, наконец, Петр не решился разгромить Донское Казачество, заливая его потоком казачьей крови, а Екатерина — Запорожское.

Казачество на два столетия превратилось в „казачье сословие“, в „верных царских слуг“.

Так двести лет назад в неизбежной борьбе двух начал, казачьей свободы и московского рабства, — первое было побеждено.

История повторяется. Теперь последователи и поклонники иного абсолютизма обещают казакам еще худшее, еще горшее существование, еще более жестокую расправу.

200 слишком лет тому назад закончилась борьба отмеченных выше двух начал. Сейчас в Европе определенно наметилась неизбежная и жестокая борьба тоже двух начал, совершенно непримиримых, взаимно друг друга исключających.

Активный наступательный коммунизм и, вооруженный знанием, опытом, но пассивный, „оборонительный“, рассчетливый буржуазный мир. Западная Европа и СССР. Борьба двух культур: социалистической и капиталистической, как любят говорить большевики.

Жизненные основы второй: религия, семья, частная собственность, инициатива личности, свободное творчество, свободная конкуренция.

Наступательный пафос первой: долой религию, долой семью, долой частную собственность, да здравствует „новая жизнь“, „новый человек“, всеобщее обобществление, свободная любовь, коллективное творчество, коллективное хозяйство, „коллективизация“!

Вот уже 13 лет СССР является источником всяческих смут в мире, действительным потрясателем основ „буржуазного“ мира. Но этот мир, ясно предвидя всю опасность для себя от укрепления и распространения коммунизма, упорно старается не замечать коммунистической опасности. Мало того, несмотря на то, что коммунисты о своей цели кричат на всех перекрестках, Европа, руководствуясь материальной выгодой сегодняшнего дня, ведет и деловые связи с СССР, что сильно подкрепляет большевиков и дает им возможность с еще большей энергией, настойчивостью продолжать свою борьбу со всем „буржуазным“ миром.

Эти два мира взаимно друг друга исключают. Неизбежно один другого должен поглотить. Кто кого? 200 лет назад воинствующая Москва под руководством Петра физической силой по-

давила начала свободы, равенства и братства и распространила на Казачество свой мертвящий централизм и дух крепостничества.

Теперь та же самая Москва, но одетая в красный цвет, ведет непримиримую борьбу со всеми за те же начала централизма, за подавление свободы народов за „машинизацию“, за „механизацию“, за всеобщее „социалистическое обществование“.

Идет борьба жестокая и беспощадная. Борьба двух культур, двух жизненных начал, какая происходила тогда между Москвою и Казачеством. Только теперь масштаб борьбы увеличился, способ и форма борьбы изошрились, хотя средства борьбы у обоих противников и разные. В этой мертвой хватке мир коммунистический ведет борьбу по иезуитски: все средства хороши, все способы борьбы приемлемы — говорят большевики.

По свидетельству некоторых видных коммунистов, ныне „раскаивающихся“, там „ни одного человеческого лица. Все шпионы, все доносчики, все прирожденные чекисты. Нет мерзости, перед которой эти люди могли бы задуматься. Нет преступления, перед которым бы они остановились“. Но все это „кандальное отделение долгосрочной тюрьмы“, все эти „рваные ноздри“ объединены железной дисциплиной партии, общим кровавым преступлением, и стремятся к одному идеалу, к одной цели: к уничтожению мира „капиталистического“.

Общее преступление — самая сильная связь. Таким путем объединенные и рвущиеся к одной цели большевики — сила, способная на многое. В этой борьбе они находят себе много добровольных помощников везде и всюду, ибо, по выражению Троцкого, в мире очень много недовольных, неудачливых, которые всегда им будут помогать. Кроме того, они имеют опытных и умелых защитников и пособников в лице части русской эмиграции...

А мир капиталистический против этой красной лавины, кроме своей самоуверенности (что для нас, мол, народов культурных, коммунистическая зараза?), ничего не выставляет.

Западный мир должен был бы желать если не полного уничтожения коммунизма в его источнике — Москве, то хотя сильного его ограничения. Для этого необходимо соединение двух элементов: не умирающее и сильное желание всех тех „украинных“ народов быв. Российской Империи избавиться во что бы то ни стало от власти московских большевиков и действенная помощь культурного мира этой борьбе народов за свою независимость, за великий принцип самоопределения народов.

Европе не следовало бы забывать, что ее

самоуверенность могла бы превратиться в свою противоположность. Если бы в 1918—20 гг. казаки, украинцы, поляки жизнью своих сыновей, народной кровью, трехлетней беспощадной борьбой с воинствующим московским коммунизмом не оградили ее культуру от возможной гибели, не спасли жизни многих ее сыновей, то кто знает, что теперь было бы.

Ныне народы, в том числе и Казачество, своей кровью однажды избавившие Европу от возможного страшного коммунистического эксперимента, переживают величайшую трагедию и, как 200 лет тому назад, никто на эту их трагедию не обращает внимания. Мало того, „расчетливая“ Европа иногда даже заигрывает с московскими коммунистами, — одни открыто, а другие скрытно забегают к ним с заднего крыльца, добиваясь выгодной концессии и т. д.

Но штык красноармейца не оступел; от победной прогулки по Европе, от раздувания „мирового пожара“ коммунисты не отказались. Наоборот — штык красноармейца неустанно заостряется, желание взорвать ненавистный большевикам „капиталистический мир“ все больше утверждается. Только в этом грядущем столкновении двух миров может не быть одного важного условия, однажды спасшего Европу от кровавого „опыта“ над нею: сильного, героического Казачества, способного красному штыку противопоставить свою казачью пику.

Сейчас разыгрывается один из самых великих актов казачьей трагедии. Выполнение „стихийной коллективизации“ само по себе может явиться страшным ударом по Казачеству. Но, помимо „коллективизации“, как пишут с Дона, имеется прямая инструкция коммунистического центра — физически уничтожить Казачество, путем расселения и выселения казаков в чужие края. Так большевики прямо и говорят: мы вас не можем держать вместе компактной массой, а должны во что бы то ни стало расселить. В порядке этой инструкции в специальных поездах вывозят на север сотни и тысячи самых лучших, стойких казаков, бывших станичных атаманов, общественных деятелей и т. д. (см. „В. К.“, № 55). В порядке той же инструкции приказывают донским калмыкам-казакам убраться с Дона на Урал в Астрахань, Ставрополь, чтобы освободить место другим, верным и преданным советской власти.

При такой планомерной подготовке большевиков, в каких условиях может произойти указанное выше столкновение двух миров? Большевики его предвидят и усиленно к нему готовятся. Европа упорно не желает замечать этого приготовления... Но, когда неизбежная схватка настанет, она вынуждена будет принять „генеральный бой“ на позициях, не ею приготовленных.

Ис. Быкадоров.

О местопребывании руссов (руси) и о местонахождении города Руссии.

(Истор. исследование).

О том, что пределы Приазовья (Казакии) были главным, первоначальным местом пребывания руссов (руси) (что устанавливается современными историками на основании свидетельств византийских и арабских писателей), не может возникнуть уже сомнений.

Часть этого народа, игравшего роль торгово-промышленного сословия в составе Хозарской империи, вследствие утраты р. Доном значения мирового торгового пути из-за ударов печенегов, передвинулась, как считают проф-а Пархоменко, Шелухин и другие, в Поднепровье и основала новое Русское или Киевское государство.

Проф. Шелухин в своем труде, еще не прошедшем через горнила научной критики, считает русь (руссов) народом кельтского (галльского) происхождения, разными путями и в разное время после Рожд. Хр. проникшим из пределов теперешней Франции в Приазовье (в Казакии).

Название русь (руссы) ко времени возникновения Русского государства, или ко времени, с которого, на основании исторических документов, становится известным о существовании такового (известия византийцев о походе Аскольда и Дира на Царьград в 862 г.) распространялось уже на все славянские племена степной полосы Востока Европы — от р. Дона до р. Днепра, т. е. распространялось на всех почти славян в пределах Хозарии.

Возможно, что во главе этих славянских племен стояли руссы, как военно-промышленное и правящее сословие областей, входивших в состав Хозарской империи, поэтому по ним византийцы и распространили название — русь и на др. славянские племена.

Эти руссы должны интересоваться нас потому, что они являются одними из предков донских казаков, (из смешения их с другими народами Казакии — казаками и аланами и образовалась основа донских казаков).

Ко времени возникновения Русского (Киевского) государства (первая половина IX в.) по свидетельствам арабских писателей устанавливается 2 центра, или района пребывания руссов в пределах Казакии: 1) острова Вабия с гор. Матарха (позже по русской летописи Тмутаракань). Остров этот образовался Азовским и Черным морями, Керченским проливом и устьями р. Кубани (Вардана). На иностранных картах еще в XVII в. он изображался в виде острова. В настоящее время это — Таманский полуостров. 2) Низовье р. Дона с городами в нем, упоминаемыми арабскими писателями — Артаной и Руссией (кроме них были и другие города). Во время владычества половцев в низовьях Дона в русской летописи упоминаются г.г. Шарукань, Балин, Сугров, Осенев, Чешлюев, а по другим сведениям существовали еще г.г. — Орнас и Ахас. Существовали они, без сомнения и раньше, во время торгового процветания Казакии.

Мы указывали уже в своих исследованиях,* что Казакия являлась государственным, культурным и торговым ядром Хозарской империи, а р.р. Дон и Волга являлись мировым торговым путем из пределов Европы в Азию. Р. Дон представлял магистраль, от которой шли речные и караванные пути: на север — до Киева, Новгорода, Камского Болгара и далее, а на юг — в пределы Казакии, а через нее в Закавказье, в Малую Азию. Р. Дон (от Волго-Донской переправы до устья) являлся узлом, перекрестком важнейших торговых путей всей Хозарской империи, сосредоточием ее торговой деятельности. Военно-промышленное значение и господство на Каспийском море и в низовьях р. Волги принадлежало Хозарам, а на Черном и Азовском морях и по Дону — руссам. Поэтому арабские писатели

называют нередко р. Дон (Танаис) — Русской рекой, Азовское и Черное моря — Русскими морями, а Хозарию — Руссо-Хозарской империей.

Очевидно, что низовье р. Дона было торговым и культурным центром руссов, а г. Руссия, как указывают и арабские писатели, столицей их.

Руссы Казакии, вследствие положения своей прибрежной территории — от низовья р. Дона до р. Кубани, положения ее в ядре Хозарии, на мировом торговом пути, своего участия в торговой деятельности с культурнейшими народами древнего мира являлись, безусловно, наиболее культурным народом всей Хозарской империи и ядра ее — Казакии.

Для нас является не безинтересным определение местоположения г. Руссии, столицы руссов.

Арабские писатели упоминают в низовьях Дона 2 города их — Артану и Руссию. Является вопрос, что это — разные названия одного и того же города, или два отдельных города?

Артана есть, без сомнения, название г. Таны, с присоединением хозарского эпитета а р; местоположение этого города (т. н. 2-ой Таны) близ теперешней стан. Елизаветинской отчасти и на месте ее (см. к. № 1) можно считать установленным. Относительно г. Руссии у одного из арабских географов того времени — Едизи есть ценное указание: „... От гор. Матерхи *) до гор. Руссии 27 миль, последний лежит на большой реке, вытекающей из горы Кукайя“.

Гора Кукайя — возвышенность, с которой берут начала — р. Кума, Сарпа (в то время непрерывная река) и р. Маныч. Под этим названием возвышенность фигурирует и в книге Большого Чертежу, в московском географическом труде второй половины XVI в., это название встречается и на иностранных картах первой половины XVIII в.

Следовательно, принимая во внимание свидетельства и других арабских писателей, мы можем сделать вывод, что г. Руссия был расположен где-то на р. Маныче, близ впадения его в р. Дон. Но близ устья Маныча — ни на нем, ни по р. Дону нет ни малейших археологических признаков существования здесь когда-то города, что между прочим служит указанием, что устье Маныча было где то в другом месте.

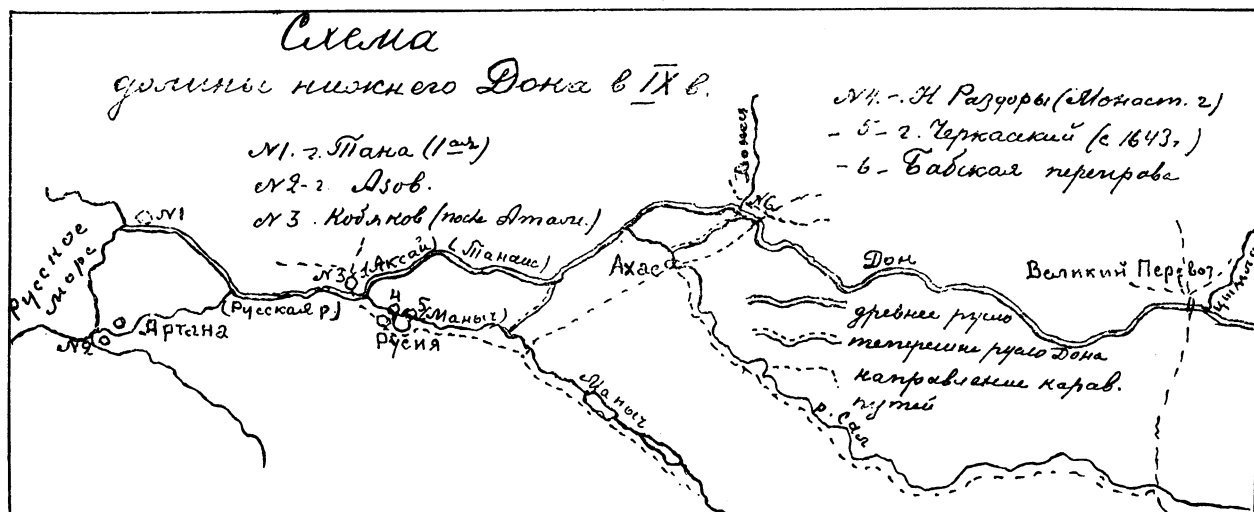
Древняя и современная топография р. Дона существенно различны. Дон менял и меняет свое русло; изменились и места впадения в него притоков, как например Сев. Донца и Маныча. Характерным для Дона является то, что на протяжении веков он отходит от правого нагорного берега долины и прорезывает во многих местах новое русло, спрямляя изгибы, излучины (на подробностях мы не будем останавливаться).

Р. Аксай от теперешней ст. Мелеховской до Аксайской есть ничто иное, как старое русло Дона (вблизи правого нагорного берега **). Река же Маныч, можно с достаточным вероятием считать, в исследуемую эпоху впадала в Дон у теперешней Аксайской станицы, делая большую излучину к югу против теперешней Старо-Черкасской станицы. Пространство же от ст. Мелеховской до Манычской Дон прорезал впоследствии (в XIV—XV в.) (это русло по всем признакам недавнего происхождения). Прорезав новое русло, Дон в дальнейшем воспользовался руслом Маныча, и устье этой реки стало значительно выше (у ст. Манычской), чем было прежде (у Аксайской). Прорезывая новое русло, Дону пришлось преодолеть незаметный для глаза гребень у ст. Богаевской (свидетельством наличия его является суще-

*) Позже — Тмутаракань.

*) И. Быкадоров: 1) История Казачества кн. I и 2) Календарь-Альманах „В. К.“ на 1930 г.: Казакия.

**) Т. н. Мертвый Донец был когда то главным гирлом Дона, здесь на нем и была расположена Тана (1-ая), когда главное русло прошло мимо теперешнего Азова, то сюда и переместилась г. Тана (2-ая).

ствование постоянного переката у этой станицы). Аналогичное явление с прорезыванием нового русла и использованием русла, притока как своего видно у ст. Константиновской: Дон здесь спрямил прорезав излучину и использовав нижнее течение притока всего во второй половине прошлого столетия. Часть р. Дона здесь до сих пор носит название Черной (раньше это было устье речки того же названия).

А если мы будем считать, что устье Маныча было у ст. Аксайской, то в этом районе мы и должны отыскивать признаки существования древнего города Руссии.

Для определения местоположения его необходимо исходить из историко-географических данных.

Мы говорили уже, что р. Дон во время расцвета Хазарии являлась торговой магистралью, от которой шли речные и караванные пути на север и юг.

Определение торговых узлов является существенным. В ту эпоху переправы через Дон имели исключительное значение.

Время разлива р. Дона, вследствие обилия лесов по долине его и его притокам, более медленного таяния снегов, было более продолжительным чем теперь. Долина р. Дона была более топкой, а при обилии в ней рукавов, притоков, ильменей, лиманов, ериков, в то время полноводных, представляла очень большие затруднения при передвижении через нее.

Исключительного значения были места, где возвышенные отроги или кряжи подходили к Дону с обеих сторон и не было указанных выше препятствий и где Дон и во время половодья оставался прежней ширины,* т. е., где переправы являлись, более или менее, неизменными, постоянно существовавшими из года в год.

Главными такими местами (переправами) в нижней части Дона были: 1) Близ ст. Цымлянкой; здесь проходил аланский шлях, путь из Алании на север; для обеспечения здесь переправы, и воспрепятствования переправе печенегам, в 835 г. хозарами при помощи византийских инженеров был построен город (крепость) Саркел (по русской летописи Белая Вежа). Предположения русских историков, что Саркел был построен для обеспечения плавания по р. Дону, являются несостоятельными, — едва ли он был построен для того, чего он, очевидно, обеспечить не мог.

2) Второй главной переправой через р. Дон была Бабская, в 1½ в. ниже теперешней ст. Константиновской, здесь возвышенный левый берег долины в виде песчаных бугров подходит к самому руслу р. Дона; такой же мыс подходит и с правой стороны; и в теперешнее время во время разлива существует здесь переправа на байде, Дон здесь всего шириной в 150-200 с., в то время как выше и ниже он разливается на 3-6 верст.

* На иностр. картах конца XIV и начала XV в. на месте Цымлянкой переправы стоит надпись: „Великий перевоз“, сделанная латинскими буквами, очевидно, что название и место взяты с более древних карт времен Золотой Орды, возможно и более раннего времени.

У места этой переправы на левой стороне имеется большое количество могильников, в прежнее время (лет 50 назад) на них стояли каменные „бабы“; правый берег, теперь занесенный песком, был в древности укреплен большими камнями. От переправы идет цепь сторожевых и путевых курганов на юго-восток к р. Мечетке и далее к р. Салу, вероятно еще сарматских; такие же курганы идут на северо-запад к устью Кундрючки (притоку Сев. Донца) и на северо-восток к х. Камышину (кург. Азовский и далее). В 1-1½ в. от этой переправы имеется одно возле другого 2 древних городища; археологически почти неисследованных. Возможно, что здесь был расположен один из городов, упоминаемых русской летописью во время походов южнорусских князей против половцев; без сомнения, что город этот существовал и во времена Хазарии. От Бабской переправы всего 15 верст до устья Сев. Донца, которым, в то время пользовались как судоходной рекой (по нем, переволоке и притокам Днепра шел водный путь к Киеву и далее на север и запад).

В устье С. Донца, как указывают археологические находки (у х. Костина, Крестовского, Ещеуловского, Крымского), были расположены греческие фактории и другие древние поселения, в одной из факторий существовала даже искусственная канализация, настолько она была благоустроена.

По левую сторону Дона от Бабской переправы всего в 25-30 верстах близ устья р. Сала находятся остатки древнего г. Ахаса, про богатство которого существовала в древности пословица: „В Ахасе нужно иметь только огонь и воду, а остальное все найдется“. От Ахаса шли пути вдоль Сала и к р. Манычу. Путь от Бабской переправы к г. Ахасу шел по левому берегу долины Дона лишен был каких либо препятствий и был равен всего одному дневному переходу каравана.

3) Третьей и едва ли не самой важной переправой, в смысле путей, была переправа у ст. Аксайской, где мы предполагаем, и было устье р. Маныча. Удобство устройства здесь переправы устанавливается тем, что в начале прошлого столетия, когда Русское правительство устраивало путь на Кавказ, то оно выбрало место для устройства переправы как раз здесь (существует и по ныне). Пришлось только по левую сторону устроить дамбы, но это оказалось необходимым вследствие изменения русла р. Дона (отхода его к югу). Левый берег теперешнего русла Дона, а в древности р. Маныча, возвышенный и не заливаема полной водой; он идет от Маныча и близко подходит к Аксайской переправе. Р. Дон (прежде Маныч) против Старочеркасской станицы делает громадную излучину (около 5 в. длины и 3 в. ширины) к югу; на этой излучине (Махин остров) и был расположен Черкасский до 1642 г. В этом последнем году Дон пробил новое русло через шею излучины и Черкасский городок (после разгрома турками в 1643 г.) перешел на правую сторону нового русла.

На левом возвышенном берегу р. Дона (прежде

Маныча) имеется 2 кургана исключительно больших размеров — у ст. Ольгинской и между Старочеркасской и хут. Арпачинским, к югу от них.

У ст. Аксайской совершалась переправа еще до Хозарии из Сарматии в Скифию, сюда шли пути — от Таны (так как там переправа через Дон во время разлива его была невозможна, а летом вообще затруднительна) и путей, шедших вдоль р. Маныча, в то время сухоходного.

Во время существования Хозарской империи переправа у Аксайской и это место как торговый узел играло исключительное значение. Здесь подходил наиболее важный караванный путь из пределов Казакии, шедший вдоль Маныча. Маныч прорезывал всю Казакию, путь шел до р. Кумы и р. Терека — городов Алании: Маджара и Деякова, а от них к столице Хозарии — г. Итилю в устье Волги.

Коннозаводчики в наше время очень дорожили долиной р. Маныча, т. к. она давала укрытые табунам лошадей и стадам скота от вьюг и ураганов, давала обеспеченный водопой в степной полосе и, главное, подножный корм в ней сохранялся на месяц дольше, чем в степи, и сохранялся всю зиму. Надо полагать, что эти свойства в эпоху господства караванных путей имели исключительное значение.

От Аксайской переправы товары доставленные караванами: с юга из пределов Казакии, и с севера и северо-запада, перегруженные на суда могли отправляться вниз по Дону до Таны и далее в Византию и вверх по Дону до Волго-Донской переволоки, или по Дону, а далее по С. Донцу.*)

Археологические исследования, начавшиеся в СССР, устанавливают место очень древнего города на месте Кобякова городища на левом берегу Дона, близ Аксайской станицы. Город этот имеет несколько метров культурного наслаения, существовал до нашествия монголов (серед XIII в.) с перерывами; время же возникновения его относится за тысячу с лишним лет до Р. Хр.

Сменялись народы, одни уходили, а другие приходили, вытесняли старые, оседали на месте их, и на месте старого города, в силу исключительного значения его местоположения, возникал новый город.

Существование почти беспрерывно города на месте Кобякова городища в течение 2 тысячелетий подтверждает установленное нами значение переправы в районе теперешней Аксайской станицы. Имя — Кобяк принадлежало одному из половецких ханов, и город существовавший и ранее в то время переименовал свое старое название на новое половецкое. Названия городов в низовьях Дона, приводимые русской летописью, как например — Осенев, Сугров и существующего поныне Азова — имена половецких ханов, но вероятно у этих городов сохранялись и другие старые названия.

Название „Кобякова Казна“ места у теперешней ст. Аксайской, Кобякова городища у древней переправы через Дон встречается в отписках донских казаков начала XVII в. Без сомнения название сохранялось преимущественно у азовских казаков Сары Азмана и закрепилось по образованию близости этого места казачьих городков в середине XVI в.

В настоящее время от городов прежних времен сохранились лишь остатки собственно городов, т. е. крепостей, сравнительно незначительных по своим размерам, места же поселений, складов, стоянок караванов, можно установить по едва заметным признакам, после тщательных исследований на месте. Город (крепость) сам по себе не был торговым пунктом; во время Хозарии — Кобяков обеспечивал лишь переправу и торговый узел на левом берегу р. Дона; возможно, что и этот город (крепость) назывался Руссией. Самый же торговый гор. Руссия, как указывает и арабский географ Едриси был расположен на р. Маныче в излучине его (где позже был Черкасск) и по левую сторону его близ Ольгинской. Приняв во внимание что здесь еще с половины XVI в. возникли казачьи городки — Нижние Раздоры и Черкасск, мы считаем, что и остатки древ-

ности — камень, кирпич пошел на устройство погребов зданий этих городков, а сначала прошлого столетия и ст. Ольгинской; но все же осталось достаточное количество археологических остатков и признаков, указывающих на существование в этом месте большого торгового поселения (города) до половецкого владычества. Мы и полагаем, что г. Руссия, упоминаемый арабскими и византийскими писателями, как раз находился близ Аксайской переправы через Дон, что окончательно может быть установлено после археологических изысканий и раскопок в этом районе.

Продвижение печенегов на запад от Дона, удары их по ядру Хозарии — Казакии, утрата караванных путей к северу от нижнего Дона, утрата обеспеченного плавания по Дону выше устья р. Маныча, удары а возможно и разорение печенегами городов, расположенных по правую сторону Дона, вероятно разрушение гор. Руссии (по правую сторону Дона, т. е. бывшего на месте городища) и заставили уйти часть руссов в Поднепровье в г. Киев, который входил в состав Хозарии, с которым у руссов были торговые связи, и осесть там, захватив власть.

Как мы установили в своем исследовании вследствие потери Доном значения обеспеченного торгового водного пути (вследствие ударов печенегов), центр торговли Хозарии с низовья Дона из г. Руссии перешел к устью Кубани в г. Тмутаракань. Это было следствием и ослабления руссов в низовьях Дона, вследствие ухода части их в Поднепровье. Но часть руссов, казахов и алан без сомнения оставалась в городах Нижнего Дона (оставшихся по левую сторону его); преимущественно они просуществовали до установления владычества половцев в степной полосе. Торговая жизнь и деятельность по Дону стала возрождаться, как и сами города, в том числе и Кобяков, после того как Дон перестал быть пограничной рекой между хозарами и печенегами, а стал целиком во владении Половецкого ханства.

Имеется еще одно историческое указание на существование большого торгового города в указанном выше районе. Посол папы Иннокентия IV в Золотую Орду Плано Карпини в 1246 г. упоминает, что большой торговый город на нижнем Дону — Орнас был взят татарами (монголами) после упорного сопротивления его лишь при помощи запруд. Среди населения этого города он упоминает руссов (Rutheni), хозар (казахов) и алан. По условиям взятия — возможности устройства запруд наиболее вероятным можно считать, что Плано Карпини говорит о городе, как раз расположенном близ Аксайской переправы, т. е. о древней Руссии, называя его Орнасом. Вероятно к тому времени низовья Маныча стало уже руслом р. Дона. (Близ ст. Ольгинской имеется громадный курган, с громадной ямой, из которой для насыпки его и была взята земля, возможно что это одно из сооружений при взятии г. Орнаса).

Мы говорили уже, что название Кобяковой Казны у азовских (Сары-Азмановых) казаков сохранилось преимущественно. Крайне интересным представляются и места оседания и постройки городов азовскими казаками, непосредственных предков теперешних донских казаков, после ухода их около середины XVI в. из пределов Северских областей (г. Рильска, Путивля, Н. Северского). Главный городок Сары-Азмана под названием Атаманский был основан как раз в непосредственной близости от Кобяковой Казны, возможно и на месте ее. Второй городок Сары-Азмана под названием — Нижние Раздоры был у излучины р. Дона ниже Черкасского, т. е. на месте или в непосредственной близости древнего г. Руссии, (Орнаса) от которого в то время вероятно сохранились развалины, остатки. Если мы примем во внимание, что еще в первой половине XVII в. у донских казаков сохранялось предание, что г. Азов был их и христианским городом то мы можем с полным вероятием предположить, что места для городов азовскими Сары-Азмановыми казаками были выбраны на основании сохранявшихся в народной памяти преданий о месте расположения городов их предков, и памяти о своих предках как руссах, так и о казахах, обитавших в низовьях Дона.

*) Через этот пункт шли, возможно перегружались грузы, из Маныча по Дону, С. Донцу и обратно.

Историческая преемственность утратилась и изгладилась из памяти теперешних донских казаков потому, что во время турецкого похода в 1569 г. к Волго-Донской переволке казачьи городки были заброшены и разрушены турками. Атаманский городок не возражался, но название это за местом у Аксая сохраняется в донских документах еще в первой половине XVII в. наряду с названием — Кобякова Казна.

На месте Нижних Раздор вновь (после 1570 г.) образовался казачий городок, но название Нижние Раздоры постепенно заменилось названием Нижний и Монастырский городок.

Ниже теперешней ст. Мелеховской к донским казакам было очень сильно приселение запорожских

(даже преобладание их над донскими); выше по Дону было преобладание новгородской и вятской эмиграции; азовские Сары-Азманы казаки окончательно осели, как предполагал донской историк Пудавов, по р. Дону вверх от гор. Ведерниковского, т. е. в большем удалении от низовья Дона исторических мест. Поэтому мы и полагаем, что преемственность предания вследствие смешения с новыми этническими элементами (донских казаков с запорожцами и новгородцами) утерялась. Донской архив вследствие гибели его (в 1643 и 1744 г.) не мог восполнить утраты.

Долг потомков установить историческую действительность, ибо колыбель русских — была колыбелью и Донского Войска.

Др. Эрэнджен Хара-Даван.

Религия в быте народов Запада и Востока.*)

Всякое религиозное бытие считает в себе веру в Бога, жизнь по Богу и внешнее выявление религиозной жизни в обрядах. Без этих трех элементов: догмы, этики и культа не мыслима никакая религия. Все исторические религии сочетают в себе эти три момента, но значение и развитие последних далеко не везде одинаково: преобладание догматики — дает учение Гностиков, этики — Буддизм, культа — Талмудизм. В Христианстве равномерно развиты все три начала.

Человечество имеет много разных религий и учений, но очень малое число из них проведены в повседневный быт своих последователей. Большая часть религий, и то из очень возвышенных и распространенных, не проводится в жизнь своими последователями, которые исповедуют их не „по духу“, а „по форме“.

Если сделать краткий обзор религий в их исповедании у народов с крайнего Запада до крайнего Востока, то мы заметим резкое расхождение на Западе и наибольшую гармонию на Востоке между религией и бытом их последователей. Европа — господство материи, культура ее капиталистическая, окончательное ее выражение — капитал и техника. Восток — господство духа, культура его духовная, религиозная, окончательное ее выражение — Богочеловек: Нирвана, Бодисатва, Будда. Здесь корень глубокой и основной разницы в характере культуры народов Запада и Востока.

Материалистическая культура Запада в своей основе противоречит „жизни по Христу“, тогда как духовная культура Востока способствует осуществлению религиозных начал в жизни и вот почему Восток дал все великие мировые религии и потому говорится: „Lux ex oriente“ („Свет с востока“). Если на Востоке экономика играет подчиненную роль (в духовной культуре), то на Западе мы видим „воинствующий экономизм“, где духовная культура влечит жалкое существование и имеет лишь второстепенную роль безжизненного и ненужного придатка.

Запад с Америкой — господство Христианства. Восток — Буддизма и частью Мусульманства. Россия является как бы мостом и синтезом их. По религии русский народ христиане, по своему „бытовому исповедничеству“ ближе к восточным религиям, что печатно высказано и Митрополитом Антонием.

Постараемся сделать краткий обзор „религии в быте“ с запада на восток.

I.

Человеку с восточной „душой“, попавшему на Запад в среду людей с европейской „душой“, т. е. в среду англо-саксов (с американцами разумея), католиков и лютеран, бросится в глаза резкое несоответствие между их жизнью и религией. Если бы „азиат“ стал догадываться по их жизни о религии, к которой они принадлежат, то он должен был бы констатировать печальный факт, что они христиане только формально, по имени, но никак не по своему быту. В своих заклю-

чениях, конечно, не приходится брать во внимание тот незначительный процент настоящих христиан, которые, может быть, живут по Христу и теперь.

„Азиат“, глядя на жизнь Запада, должен сказать, что здесь от религии остались, как памятники прошлого, пустующие церкви и попы, далеко не напоминающие по своему виду и жизни, своего восточного коллегу-аскета.

Европеец с религией имеет формальную связь: когда он в школе проходит „Закон Божий“ и в церкви, которую неохотно и редко посещает, при чем его душу ни там, ни здесь религия не трогает. Как только выйдет он из школы с урока „Закона Божьего“ или из церкви, сразу все улетучивается, ибо он живет мыслит и ощущает другой мир, мир материальных интересов, обуславливаемых жестокой „борьбой за существование“ в этом царстве капитала. Европеец хорошо знает заповеди Божьи, но он стал бы смотреть как на безумца и чудака на азиата, который сказал бы ему, что их надо исполнять в своей повседневной жизни.

Все религии запрещают убивать, воровать и лгать, но больше всего они нарушаются в жизни европейских народов, хотя нигде нет так много полиции, тюрем и строгих законов, как у них. Побудительной причиной к этим преступлениям является материалистическая основа жизни европейца, стремление во что бы то ни стало к материальным благам, без которых жизнь не мыслима.

Также ругательства существуют у всех почти народов, но нигде до такой виртуозности не доходят, как у европейцев, которые упоминают не только мать, но и отца, Бога, Матерь Божью, даже солнце, как например у югославян, итальянцев и венгерцев (а у русских? ред.). Между тем, например у японцев, самое сильное ругательство это обзвать человека... черепахой. Попы вне службы любят ходить в цивильном костюме, чтобы духовный сан их не стеснял. Мне приходилось видеть попа служившего обедню в национальном костюме и, в добавок, с револьвером за поясом, хотя это составляет как бы принадлежность костюма черногорца. Церковь посещается более или менее многолюдно на Пасху и Р. Х., в остальные праздники и воскресения церкви обычно пусты. Посты не соблюдаютя. Эти мои наблюдения относятся к селам Европы за 8 лет моей эмиграции.

На западе брак освящен религией и есть таинство, между тем мы видим, что всюду там победил брак гражданский, который законен, а церковный не обязателен. Даже православные сербы накануне введения гражданского брака, который соответствует материальной основе духа и жизни Европы. Посеме — браки „по расчету“, а любовь покупается, как товар на рынке. Разврат царит открыто и нет разницы между прости-туткой явной и тайной, сожигельницей и женой, женщиной и девушкой*). На востоке брак не есть таинство,

*) От ред. Статья эта помещается в дискуссионном порядке.

*) Не слишком ли строг суд автора в этом месте? ред.

но там меньше разводов брака чем в Европе, хотя узы брачные там не церковные, а духовные, закреплённые законом. Европейцы с таким отношением к браку и морали, но формально придерживающиеся моногамии, гораздо безнравственнее азиатов и мусульман, придерживающихся полигамии, но живущих с принадлежащими только одним им женами.

В то время, как на Востоке государства основаны на религии и освящены ею, Западным государствам нет дела до религии: она представляет частное дело каждого: „хочешь верь в Бога, а не хочешь, не верь“. На востоке же поощряется религиозность и жизнь по Богу, к какой бы религии человек не принадлежал, но преследуется безбожие и жизнь, противоречащая началам религии.

Такое резкое расхождение между бытом и религией в Европе и большую их согласованность в Азии можно объяснить, кроме материалистической основы их быта и культуры, еще и тем, что христианство — учение очень возвышенное, тем самым не земное, оно не по силам для обычных смертных людей. Оно провозглашено, не смертным обычным человеком, а сыном Божиим, явившимся в этот мир, для того чтобы учить, пострадать за его грехи, воскреснуть и покинуть многострадальный греховный мир, между тем, как Будда был простой смертный — царевич, достигший своим духовным совершенствованием степени Будды и открывший всем пути его достижения. Своим учением о четырех истинах о страдании и восмиричном пути о избавлении от них. Он сам, будучи земным существом, и мог создать такое глубоко реалистическое учение, как Буддизм, в котором ничего нет сверхестественного. Пути открыты для каждого, чтобы достичь степени Нирваны, Бодисатвы и Будды, хотя после Будды, пришествие другого Будды только ожидается.

Кажется парадоксом для азиата: европейцы, будучи сами христианами только по имени, во всей своей истории истекли кровью в религиозных войнах, горели на кострах инквизиции и здесь господствовал единый принцип: „*Cuius imperio, eius religio*“ (чья сила того и религия), а теперь этот же „безбожный“ Запад несёт на своих стальных гигантах, вооруженных пушками, Христианство, вербуя в Китае „рисовых“ христиан*) и насильно ввозя опиум для отравления народов Востока.

II.

Между „духом Европы“ с практическим атеизмом в его быте и „духом Азии“ с ее мощным внутренним напряжением для служения религиозным идеалам, сверхличным и потому вечным, лежит как мост и синтез их — Россия.

Русский народ по своей религии, как христиане, относится, конечно, к западным народам. Православие пришло в Византию, но, по своему исповеданию в жизни, по „бытовому исповедничеству“ русского народа, оно ближе и понятнее к восточным религиям — Буддизму, Магометанству, Конфуцианству, чем латинскому Западу, хотя бы христианскому. Это мнение печатно высказывал такой авторитет духовного мира, как митрополит Антоний. Это ясно видит теперь всякий русский эмигрант, поневоле десятый год наблюдающий жизнь на западе, не только у католиков, но и хотя бы у тех же православных южных славян. Христианство не является лишь теоретическим познанием Бога и истины, — оно также определяет весь жизненный путь истинного христианина, путь спасания души и преображения тела.

Между тем люди, верующие в Бога и называющие себя христианами, не желают жить по Богу.

Россия, под влиянием Петра I, начала период европеизации, доведенного Лениным до теперешнего СССР. Этот период копирования Европы оказался трагичным во всем, в особенности в области религии, т. е. души народа. Столкнулись чуждые два мира культуры и психологии. Католический запад с его стремлением наи-

большого приближения христианства к жизни, и мир восточный, православный, с его приближением жизни к Христу.

Под влиянием европеизации в России образовалось два слоя: верхний, очень тонкий слой атеистической интеллигенции (продукт европеизации) и нижний, компактный слой народа, продолжающий еще оставаться в бытовом исповедничестве, хотя далеко не в такой степени, каковым он был в до-петровский период русской истории. Теперь, как в народе, так и среди интеллигенции, вновь возгорается священный огонь веры, но необходим полный возврат к религии и к „бытовому исповедничеству“.

В своем „бытовом исповедничестве“ древне русский народ не мог брать примера с монголо-туранских народов, с которыми он связан общностью своего месторазвития и под чьей властью в течение столетий так пышно расцвело русское православие, под защитой и льготами Монгольских ханов Золотой орды. Последнее кажется парадоксальным и мало вероятным для психологии европейца и историка скептически относился к этому, пока не были найдены указы золотоордынских ханов. Для подтверждения приведу два следующих исторических указа.

В 1270 году хан Менгу-Тимур издал следующий указ: „На Руси да не дерзнет никто посрамлять церкви и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они — Божьи. Да помолятся они о нас“.

Узбек хан еще больше расширил привилегии церкви русской: „Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, — отнюдь не чиновников орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое, кто осмелится издеваться над православной верой или оскорбит церковь, монастырь, часовню, тот подлежит смерти без различия русский он или монгол. Да чувствует русское духовенство себя свободными слугами Бога“.

Могут подумать: да это было 650 лет тому назад, а теперь? На это можно привести следующий факт. В 1918 году в феврале, красная гвардия с советами доказались до города Уфы, где большая часть населения — татарская. Совет приказал арестовать митрополита Уфимского Андрея (К. Н. Ухтомского) и реквизировать церкви для каких-то их целей, но приказ не был приведен в исполнение... не благодаря сопротивлению православного, а энергичному заявлению мусульман татар: „Этого великого муфты мы не выдадим врагам Бога, как не позволим оскорбить православные мечети“.

У монголов, как вообще на востоке, кроме мусульман, была абсолютная веротерпимость, больше того — защита и покровительство всех религий. К этому приходит теперь мысль человеческая в последних ее достижениях. Существенно важно для народа, как целого, быть верующим и религиозным, а какая и чья религия — это не суть важно. Не должно быть религий господствующих и подчиненных, главных и второстепенных. В монгольской империи не была объявлена ни одна религия господствующей, — все были равны.

Важна религиозная напряженность народной массы, которая живо ощущает ее и осуществляет ее правила в своей повседневной жизни.

Обратимся теперь к мастерскому анализу положительных черт туранской психики, сыгравших несомненно благотворную роль в русской истории до-петровского периода, в отношении религиозном в особенности. „Весь уклад жизни, — пишет князь Трубецкой (его книга: К проблеме русского самопознания), в котором вероисповедание и быт составляла одно „бытовое исповедничество“, в котором и государственные идеологии и материальная культура и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы, системы теоретически невыраженной и сознательно не форму-

*) Китайцы принимают Христианство увлеченные, глав. образ., не учением, а раздачей голодным риса и укрытием от преследований под защиту „концессий“ иностранцев от преследований Китаецких законов. Витгофель: „Пробужденный Китай“.

лированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и бытие самого национального целого, — все это носит на себе отпечаток туранского типа“.

А ведь это именно и было то, на чем держалась Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Православная вера, в древне-русском понимании этого термина, была именно той рамкой сознания, в которую само собой укладывалось все: частная жизнь, государственный строй и бытие вселенной. И в том, что эта рамка сознания не была предметом сознательного теоретического мышления, а подсознательной базой всей душевной жизни, — нельзя не усмотреть аналогичность с нормальным аспектом туранской психологии.

Отношение древне-русского человека к своей вере, ее роль в его жизни и его неумение отделять веру от своего бытия — объясняется чертами его психики, свойственным народом востока.

„И здесь и там, догмат веры рассматривается, как данное, как основной фон душевной жизни и внешнего

быта; там и здесь религиозное мышление отличается отсутствием гибкости, пренебрежением к абстрактности и стремлением к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего быта и культуры. Вместо сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы в древней Руси получилась некоторая; словами не выраженная „подсознательная философская система“, стройная и нашедшая выражение не в богословских трактовках, а во всем житейском, на ней покоящемся. Этим русская религиозность отличалась от греческой, несмотря на свое догматическое тождество с этой последней и сближалась с туранской, с которой догматического сходства не было, и быть не могло“.

„Бытовое исповедничество“ пропитанность культуры и быта религией, которые были следствием особых свойств древне-русского благочестия, — были плюсом, а не минусом“.

(Окончание следует).

Вл. Куртин.

Крым -- Далмация.

В госпитале.

Автомобиль еще не успел остановиться под мрачным сводом подъезда, как мы услышали грубое, презренное: *alles!* а затем *фьюить!* — подсвистывание как на собак. В первый раз это меня удивило, оскорбило... а потом? Потом привык. Вспомнил Достоевского: „Ко всему то, подлец-человек, привыкает“.

Мы узнали, что это обычное обращение французов с русскими.

Ничего, думал я. — Вымоюсь, отдохну и удеру в город.

Так или приблизительно так думали многие, подобно мне „списавшиеся“ с парохода в погоне за баней. Два санитара — негр и француз — повели нас по длинным темным коридорам. Время от времени они останавливались, чиркали спичками, что-то рассматривали. При свете спички я мог увидеть на полу у стен, два ряда человеческих тел, прикрытых шинелями и бурками. Все это, что было под шинелями и бурками, стояло, охало, хрипело. Все время слышалось невнятное бормотание.

Наконец, француз крикнул:

Couchez — vous là! и ушел. Ушел и негр. Мы остались сами.

— Что он сказал? спрашивают казаки.

Сказал, чтобы мы здесь ложились.

— Да где же здесь ложиться?

— Это вы не так его поняли... а тоже — образованные...

Подошел юноша со свечою в руках. Увидав в нас „новоприбывших“, юноша посоветовал нам без лишних разговоров ложиться на тех местах, где сейчас каждый из нас стоит, спать не особенно крепко и не расбрасывать вещей:

— А то эти, черти, даже нашими лохмотьями не брезгуют: тянут все!

— Он указал нам место, где можно найти 5—6 матрацов.

— Впрочем, сказал он, может быть с них еще не убрали мертвых, так вы сами вытаскиваете из-под них матрацы и возьмите себе.

Среди нашей группы не оказалось охотника воспользоваться матрацами мертвецов.

Всю долгую ночь просидел на своем маленьком чемоданчике. Вшей здесь было так много и они были такие крупные, что хрустели под ногами. Где-то, недалеко от нас находилась уборная и оттуда несло убийственно. Откуда-то неслись стоны, временами переходившие в звериное рычание; где-то отборными словами ругали французов. Совсем недалеко от меня кто-то тяжело, прерывисто хрипел. Похоже, как будто качают воду распатанной помпой.

Утром мы осматрелись. Оказалось, что мы „спа-

ли“ приблизительно посредине длинного коридора, прогнв дверей клозета, откуда широким потоком стекали в коридор нечистоты. Кроме нашей парни в коридоре лежало еще чел. 60. Хрипевший недалеко от меня человек теперь молчал, неподвижно уставившись в потолок, неестественно длинно вытянув правую ногу, а левую поджав под себя. Один из его соседей, солдат или просто крестьянин, посмотрел на спящего и спокойно сказал:

— А Тимофей должно быть того... эвакуировался!..

— Все там будем, равнодушно процедил кто-то.

Через полчаса Тимофея уже схватили чернокожие и, смеясь, сквозь белые зубы, оттащили его в койки-нищку.

В 8 ч. утра француз принес нам в чайнике мутную, горьковатую жидкость. Жидкость эта почему-то называлась „кофе“. Этот-же француз сообщил нам, что в 10 ч. мы должны идти в баню.

— Наконец-то!

Старожилы загадочно улыбались, видя с каким нетерпением мы ожидаем баню.

— Мы тоже так ожидали, уклончиво отвечали они на наши недоуменные вопросы. Более сердобольные советывали нам спрятаться на это время. Я не послушал благого совета.

— Как? Отказаться от бани, ради которой и сбегал я с парохода?!

В большой конюшне нас не раздели, а буквально ободрали чернокожие „банычки“, более похожие на чертей из преисподней, чем на банщиков. Потом остригли (стриг армянин). Стриг он и бороды и усы. Никогда не забуду как горько плакал один старик-казак, очевидно старообрядец, когда ему армянин остриг его дивную седую бороду.

Остригли. Вогнали в „душ“. Это и была „баня“. Кранов „душа“, из которых капала холодная вода, было всего четыре. Столпившись под душем, кое-как „мылись“. Но не успел я смыть с головы, как раздалась „команда“ — *alles!*.. *фьюить!* И негры, жистикуюлируя, подталкивая нас ногами (очень искусно!), выгнали всех в „предбанник“ (конюшню), чтобы впустить новую партию. Дрожа от холода, кинулись мы к своему тряпью, но — ничего кроме поясов, ботинок и шапок не нашли.

Все было в „дезинфекции“. Два часа ждали одежду. Принесли только верхнюю, а белая обратная выдаче не подлежало. А смены ни у кого не было! Пришлось мокрые френчи и шинели натягивать на голое тело. Особенно плохо пришлось тем, у кого штаны были с кожаными вставками. При дезинфекции кожа сгорела и... После бани и дезинфекции нас отвели в тот-же коридор и водворили на старые места.

Вторую ночь я спал в комнате тифозных на одной койке с сотником С... грелись, тесно прижавшись друг

к другу. А к утру сотник умер. Всю ночь он мне рассказывал о своем „грехе“, а к утру застыл. Утром, когда я открыл бурку, он был так спокоен. Даже весел. И только потому, что не дышал, я заметил, что он умер. А койка перешла всецело в мое распоряжение.

Во всем госпитале находилось около 2000 человек. В „палатах“ и в коридорах больные лежали без всякой помощи. Когда я обошел все „палаты“ и коридоры, у меня создалось впечатление, что сюда с пароходов свезли людей исключительно для того, чтобы поскорее и без расходов закопать их в общую яму...

Случайно увидев выходящий со двора грузовой автомобиль, я прицепился сзади и прошмыгнул мимо часовых. На одной узкой улочке Константинополя, когда грузовик на момент остановился я „отцепился“. Вошел в первую попавшуюся турецкую кафану...

Здесь у гостеприимного хозяина турка, прекрасно владевшего русским языком, я и провел свою первую „свободную“ ночь. А потом опять присоединился к „беженцам“ у Галатского моста.

Здесь, под навесами копошилось около 3-4 тысячи „беженцев“. Здесь были старые генералы, дети — кадеты, юнкера, солдаты, донцы, кубанцы, астраханцы, терцы, калмыки, черкесы, армяне... Здесь были представители почти всех народностей... Не было только евреев. Евреев я вообще не видел среди беженцев. — То угрюмые, то нервно-злобные, сновали беженцы под навесами: одни таскали туда, сюда свои узлы и котомки; другие с котелками толпились около походных кухонь, из которых французы раздавали суп; третьи, завернувшись в одеяла или бурки, лежали неподвижно, точно трупы, не поднимаясь даже и тогда, когда раздавали суп. Здесь, под одним навесом я случайно наткнулся на одного юнкера Константиновского военного училища. Говорю „случайно“ потому, что несчастный мальчик лежал, зарывшись в навозную кучу. Он был весь в нечистотах и подавал еле заметные признаки жизни. Около него лежал казак-кубанец (10 пл. батальона) с отмороженными ногами. С одним терским сотником я отыскал французского коменданта и, после долгой мольбы, нам удалось склонить его распорядиться, чтобы их перевели в лазарет. Здесь-же в одном бараче почти жили офицеры инвалиды.

Огромный город жил своей жизнью, шумел миллионом голосов, громыкая сотнями автомобилей, гремел трамваями. По Золотому Рогу проносились нарядные турецкие пароходы, переполненные пассажирами. По мосту катился людской поток... И все это куда-то торопилось, спешило... Чем то интересовалось, что ничего общего не имело ни с нами, ни с нашей „борьбой белых с красными“...

Развели небольшой костер. Положили на огонь банки с консервами — разогреть... Но, подошли французские солдаты, разбросали уголь ногами, а нас разогнали прикладами.

Во всех сараях шла вербовка казаков во французский иностранный легион. В первый-же день моего пребывания здесь, в легион записалось около 300 человек, преимущественно кубанцев и черкес. Их сейчас-же, под конвоем чернокожих, отвели в город.

Забившись под опрокинутую на берегу барку кое-как скоротал ночь. — Следующий день простоял во всех очередях, получавших хлеб и консервы, а на третий день, смешавшись с толпой грузчиков-персов, ушел в город. Улицы Кон-ля были полны русских. Русская речь слышалась всюду — на Перу русских было особенно много. Здесь английские шинели господствовали над всеми другими костюмами. Видел генералов, мостящих улицы, видел много спекулянтов из русских, сдирающих с русских-же последнюю рубаху, — видел русских, ночующих на свалках. Я имел с собою 2 лиры (фрэнч и штаны!) и 60 пиастров (английские-же штаны!). Ночевал в банях. Выкупался основательно: бани были открыты до 11 часов ночи, а после 11-и — и до 6 часов утра в них набивались „беженцы“ и спали на скамьях. — Ел в обжорках. Большую часть дня проводил на базарах. Здесь, на огромных константино-

польских базарах, где многотысячная, многоязычная толпа великоленно укрывала от французской полиции, мы — беспаспортники, „отбившиеся“, чувствовали себя гораздо спокойнее, чем на улицах. Базар нам сочувствовал. Турки не были хозяевами в своем городе. Везде и во всем чувствовалась тяжелая рука оккупантов.

За Босфором Кемаль-Паша воевал с греками. Союзные дредноуты иногда стреляли по азиатскому берегу. Там где-то стоял популярный не только среди турок, но и среди казаков и черкесов, турецкий национальный герой Кемаль-Паша. На базарах шла тайная вербовка в его армию. Казаки и черкесы мечтали поехать туда, но это было очень рискованным предприятием. Рассказывали, что французы нарочно посылали своих агентов по городу, которые, выдавая себя за кемалистов, вербовали добровольцев, а потом предавали их французам. Говорили, что таких добровольцев французы расстреливали в море.

На базарах Константинополя я увидел как непримиримо ненавидят турки наших „союзников“. Союзные патрули, вооруженные кроме винтовок еще и особыми палками, нещадно колотили турок, не разбирая ни детей, ни стариков. С нами турки совершенно откровенны и искренни. Они мечтали о приходе Кемалья, грозили перерезать всех „инглезов“. А с нами: „надо заключить большой союз“...

Прожив последний пиастр и не найдя никакой работы, я опять возвратился под навесы у Галатского моста. Как раз в этот момент происходила отправка беженцев по особым лагерям в окрестностях Константинополя.

Вскочив на один из грузовиков, я через полчаса был уже на вокзале. Сели в вагон. Поезд покатился... Куда? А не все-ли равно! Кто-то нами распоряжается, как скотом: возят туда-сюда, перегоняют из одного места в другое, дают немного есть...

Выехали за город. Вправо и влево от полотна заpestрели сады, огороды. Спрашиваем кондуктора:

— Куда идет поезд?

— В Сан-Стефано!..

На предпоследней к Сан-Стефано станции кто-то распорядился, чтобы мы вышли. Поезд убежал. На путях, около станционной будки, осталась толпа беженцев человек около двухсот.

— Куда идти и от кого ожидать дальнейших распоряжений?

Расположились под разбитыми вагонами с немецкими надписями. Холодно. Голодно. Тоскливо. Закутался буркой с головою и лег на землю ожидая... ничего не ожидая.

Пробежало еще три поезда. К нам подошел русский врач.

— Чего вы здесь ожидаете?

— Отправки в лагерь.

— Какой?

— А чорт его знает — какой!

— Но ведь тут нет никакого лагеря?!

— И сами видим, что никакого...

Вот что господа — идите вы в Макрикой, это версты три-четыре отсюда. Там есть лагерь и — может быть вас там примут, посоветовал доктор.

Пошли в „Мокрый-кой“... Не все ли равно — куда?.. За нами, передвигаясь при помощи рук, тащился и кубанец-пластун с отмороженными ногами. К вечеру добрались до лагеря.

Огромное, полуразрушенное каменное здание огорожено колючей проволокой. У ворот часовой-негр. Попросили его доложить о прибытии партии беженцев. Негр свистнул. Из казармы выскочило человек двадцать негров, на бегу привинчивающих штucky. Окружили нас и погнали — опять на станцию. Обратного мы шли еще медленнее, даже не смотря на то, что чернокожие очень усердно помогали нам прикладами.

Поздно ночью дотащились до станции, уселись в подошедший поезд, а через полчаса были в Сан-Стефано.

А. А. Гейман.

Восстание против большевиков в 1918 г. в Майкопском отделе.

Восстание это и все, что с ним связано, ждет еще своего совершенно объективного историка. Я же, как руководитель этого восстания (а потому, быть может, не в полной мере объективный), берусь за его описание по памяти, во-первых, потому, что уже по самой природе дела на протяжении всего времени, как оно началось и длилось, не было никаких писаных о нем документов, а потом в народе, как мне известно, сложились целые легенды, часто не имеющие никакого реального основания, а потом еще и потому, что много еще есть живых свидетелей, участников и сотрудников моих, которые могут помочь мне рассказать всю эту историю более или менее правдиво и беспристрастно.

Побуждает меня к этому еще одно обстоятельство. Это восстание (как и в других частях Кубани) может показать, что и без прихода туда Добровольческой армии казаки были способны организоваться, лишь бы нашлись лица, могшие взять эти движения в свои руки. Казаки могли бы дать отпор большевикам и саму судьбу Кубани направили бы по иному. Приход Добровольческой армии дал другое направление борьбе на Кубани.

Поскольку помню, 4 января в Майкопе водворились большевики. В конце декабря я приехал из Армавира к семье в Майкоп и там получил телеграмму генерала Гулыги: „немедленно прибыть в Екатеринодар“, но заболел и не мог двигаться с постели. В таком состоянии меня нашел доктор 14 пластунского батальона Гершенкройн и сотник Миронов. Они пришли мне сообщить, что едут в Екатеринодар, и я с ними послал рапорт со свидетельствами врачей, что я прибыть по болезни не могу и остаюсь в Майкопе. Таким образом, в этом городе, да и на весь Майкопский отдел, я остался один за старшего.

Между тем большевики вступили в свои „права“, захватили власть и войска, соединяя их в смешанные части. Начались ежедневные митинги, обыски, аресты но все еще в скромных размерах.

Большое замешательство в это время вызвало известие о занятии Таманского полуострова немецкими войсками. Большевики волновались, готовили и куда-то отправляли войска, образовали какой-то Майкопский фронт и созвали фронтовой съезд, на котором было постановлено просить меня принять командование этим фронтом. Прислали ко мне депутацию во главе с есаулом Бортниковым (окончившим только что сокращенные курсы военной академии). Я благополучно избежал этой „чести“, предложив три условия. Первое — я сам и лично назначу командиров полков и всех высших начальников, второе — дисциплина и военно-уголовные законы прежние и третье — при мне не должно быть никакого комиссара. Как я и рассчитывал, условия эти оказались неприемлимыми и меня оставили в покое.

Между тем, до меня стали доходить слухи, что казаки по станциям уже прозрели. Идет уже скрытый стговор о том, чтобы сбросить с себя большевиков, делавших уже землю и все добро казачье и насадивших в станциях своих людей из российских. У казаков отобрали оружие, но оставили его у иногородних.

Стоило мне выйти на Сенной или Дворянй базар и с возов сейчас же раздавалось: „Эй гляди, да ведь это — Г-н!“ И вмиг около меня собиралась толпа казаков и сыпались вопросы: Ну, как же дальше нам быть? Что делать? Неужели терпеть? и т. д.

Конечно, это не осталось для большевиков незамеченным и они стали подозрительными. Я перестал показываться в людных местах, а назначил всем желающим приходиться ко мне во двор ночью, где мы и вели беседу. Все чаще и чаще стали приходиться ко мне старики из разных станций и я уже чувствовал, что огонь разгорается, но еще молчал, а только просил меня извещать о всем, что делается в станции, как на это смотрят казаки.

В станции Я. станичным атаманом был вахмистр Тисковский. Он часто меня навещал. Горячая голова.

Он уже вел агитацию за восстание и не только у себя в станции, но и в соседних. Планы, один другого решительнее и часто фантастичные, родились у него в голове. Я удерживал его, как мог. Надо тщательно подготовить не только людей, но и средства для борьбы, а он не слушал и добился таки, что все его затеи были открыты. Из Майкопа приехал автомобиль с пулеметами и товарищами и его расстреляли на глазах всей станции на площади.

В самом Майкопе в это время формировалась конная бригада есаула Бортникова, но состав ее был — самые молодые казаки и, повидимому, да и по мнению самого Бортникова, она для восстания не годилась. По станциям настроение между казаками ясно выразилось и всякая искра могла зажечь общий пожар.

Поднять весь отдел, кроме станций низовой полосы, где стояли большевицкие гарнизоны, было легко, но как удержать и спасти от возможного разгрома восставшие станции, раз они без оружия и патронов? Это сильно меня озабочивало и я все еще выжидал.

Стали появляться, наконец, и слухи о какой-то армии, наступающей то на Тихорецкую, то на Армавир, то на Екатеринодар (против большевиков), но все это было очень туманно. Майкоп был совершенно разобщен от Екатеринодара и Армавира и, что там, в это время происходило, мы не знали.

Как-то, еще в апреле, или даже в мае, ко мне ночью пришел полковник Голощапов с каким-то разведчиком от генерала Деникина из под Тихорецкой — вот только тогда да и то еще плохо я поверил, что где-то и что-то есть, хотя я всегда был убежден, что займись восстание в одной части области, оно непременно вспыхнет повсеместно.

Все мои попытки связаться с ген. Деникиным не увенчались успехом, все мои разведчики к нему пропали без следа. Наконец, я решил сам лично пробраться к нему и согласовать с ним свои действия (что было с куб. правительством, я не знал). Часов в 10 вечера я, одетый в кожаную тулужку, фуражку и шаровары, сел в темный вагон 3-го класса, набитый товарищами, залез на самую верхнюю полку и притворился спящим. Поезд тронулся и уже около ст. Белореченской все спало мертвым сном. Так я думал, но уже около ст. Гиагинской по кашлю меня узнали. Я вдруг услышал шепот внизу: — А знаешь, кто это так наверху? — Кто? — Г-н. — Куда же он едет? — Молчи, вот будем подходить к ст. Дондуковской, так мы его нароем, а там наша рота держит охрану станции, ну там и разберут.

Еще немного и семафор станции Дондуковской. Поезд стал замедлять ход. Я тихо слез с полки, пробрался с трудом между спящими товарищами на платформу и прыгнул на землю. Все обошлось как нельзя быть лучше, но надо было выиграть время и уйти подальше в степь, пока меня не хватились. Я взял направление на Майкоп и быстро зашагал по непросохшей еще весенней земле. Было очень темно. Но я хорошо знал местность и шел быстро часа три и только тогда остановился немного отдохнуть. Еще часа два-три усиленного хода и я вышел на Кужорскую дорогу, верстах в 5 от Майкопа.

Стало уже рассветать. Сильно чувствовалась усталость. Я присел у куста над дорогой, она была совершенно пуста; только через 1/2 часа на ней показались 7 верховых казаков, ехавших из станции Кужорской в город Майкоп, а за ними в шагах 200 еще один. Он вел в поводу оседланную лошадь, которая сильно тянулась за поводом, почему казак и отстал от общей группы.

7 казаков проехали, не обращая на меня никакого внимания, но отставший, порывавшись со мною, поздоровался, спросил куда я иду, предложил мне заводную лошадь, так как, отставая за поводом, она его сильно утомляла. Я согласился и, сев на лошадь, поехал рядом. Казак задавал мне кое-какие вопросы, но

я воздерживался поддерживать разговор. Хотя лошадь моя пошла под седоком весело и нормальным шагом, но ни я, ни казак не торопились и далеко отстали от прочих. Но, вот и Майкоп. Вехали в улицу и я тотчас же узнал свою улицу, на ней как раз стоит мой дом. Мне очень не хотелось, чтобы на улице меня узнали майкопцы, большую частью сочувствующие большевикам, и я оставив лошадь, слез и сказал казаку: — Ну, спасибо, моя улица в городе третья или четвертая отсюда и мне лучше по окраине города по сухой дойти до нее, а там и дом уже розышу скорее. — Да никак нет, ваше превосходительство, эта улица и есть ваша, я ведь знаю, где и дом ваш, а только не извольте беспокоиться, я ведь нарочно не хотел догонять своих, мы едем в управление отдела, а вот лошадь, что под вами была, это у нас тут в больнице казак лежит, а лошадь его потребовали на осмотр. Я сразу вас узнал. Мало ли куда вам нужно было ходить, мы все знаем уже, а только и казаки разные есть, не хорошо, чтобы вас все узнали. — Да, откуда же ты меня знаешь, ты ведь конный, а я уже 30 лет служу в пластунах.

— Ну-у-у! кто же вас в отделе нашем не знает!

Мы рассгались. Весь этот эпизод меня и порадовал и заставил призадуматься. Значит по станицам пошел разговор, а там и большевики пронюхают, а тогда пиши пропало. Не даром кое-кто из моих людей, проникших и в Майкопский райком, уже меня предупредили, что за мною следят.

Я кружным путем пришел к себе домой, лег на террасе, где была моя кровать (чтобы меня легче и без шума всегда могли найти старики, приходившие ко мне по ночам), разделся и лег спать.

Случай этот, когда я за один день и даже ночь был узнан два раза, пресек мои попытки на дальнейшие вылазки. В Майкопе большевики уже сформировали Сводный пехотный полк из казаков и иногородних. Одним из командиров батальонов этого полка оказался старший писарь 8 пластуновского батальона Ч.

Как то он, совершенно для меня неожиданно, зашел ко мне (в защитной рубашке, без пояса и не снимая шапки), когда я был в зале совершенно один. Я не узнал сначала его, а когда узнал — был поражен его дерзостью (еще полтора года тому назад я был его командир батальона). Только что сел, как стал задавать мне щемящую душу казачью вопросы. Я решил идти напрямки: — Ну, Ч., сказал я ему, я не верю, чтобы ты пришел выпросить, а потом и выдать меня. Ведь мы же с тобою казаки.

И я рассказал ему все, что я знаю о станицах и о том, что там собираются делать. Ч. тут же объяснил мне, что и он в заговоре и, что он может всегда, когда то нужно, распустить свой батальон в отпуск, а за ним сами уже разойдутся другие батальоны полка и что Майкопский гарнизон ничего не стоит. Стал уверять, что в лесах горных станиц есть уже большой наш отряд, а когда за мною приедут, он меня оповестит, — чтобы я был готов. Ч. стал часто заходить ко мне и сообщать мне очень ценные сведения.

Были у меня еще надежные люди, особенно станицы Х. старик Ф. и жена офицера той же станицы А. Б., бывшая курсистка во время войны, девушка Г-ва, и многие другие. Я знал также, что большевики формируют все новые и новые части из казачьей молодежи, но она предпочитает уходить в леса.

Как то в июле утром (в воскресенье) Ч. пришел ко мне и категорически заявил, что сегодня из Абадзеховской ст. атаман (оставленный большевиками как исключение комиссаром станицы) приедет на общественные лошадах в город, а часа в два дня будет ехать назад, так чтобы я вышел к этому времени за город незаметно, — он отвезет меня дальше в горы, где отряд восставших казаков собрался и ждет меня. Пока об этом никто еще не знает, но надо не потерять времени. А через два часа мне сообщил один из моих разведчиков из ревкома, что составлен новый список подлежащих аресту лиц, и что моя фамилия в этом списке стоит на первом месте. Раздумывать было некогда. Знать пробил час, час казачьих судеб. Что то пошел он нам?

Я ни слова никому в семье не сказал, но как бы

предчувствовал, что не увижу больше матери моей в живых и зашел к ней будто бы выпить чашку кофе. При уходе моем, когда я, по обыкновению, поцеловал ее руку, вдруг она перекрестила меня и сказала: — Ну, с Богом, сын мой, иди, за тебя не боюсь... И заплакала, а старая казачка была не из слезливых, да и откуда и что она могла знать? Я никому, ни ей, ни жене и виду не показывал о своих намерениях и думах. Через месяц, когда я с отрядом висел над Майкопом, она умерла. Когда ее хоронили, собрался весь Майкоп и пошел вдруг слух, что и я присутствую на ее похоронах, переодевшись не то в кучера на катафалке, не то в фонарщика, не то в хоре, среди басов. Процессию несколько раз останавливали и осматривали.

К двум часам дня, я, несмотря на то, что все выходы из города наблюдались особыми заставами, был уже в двух верстах от города по дороге на ст. Тульскую, через которую нужно было проехать, едучи на ст. Абадзеховскую. Скоро меня нагнала тройка с атаманом и Ч. Они остановились и попросили у меня прикурить и предложили меня подвести, «если мне нужно» далее. Меня удивила такая осторожность на пустой дороге, но вскоре все объяснилось: на козлах ямщиком сидел молодой парень — не казак.

Тульскую удалось как-то проехать задворками, не обратив на себя никакого внимания, но и Абадзеховская не далеко, всего в верстах 18; если ехать рысью, то мы приедем часа в 3—4, — весь народ на улице, остановимся до ночи у Чернышева (меня очень многие знают), — поднимется разговор... А ехать шагом, — значит опять вызвать подозрение у ямщика.

Ехали над кручей реки Белой. Ямщик остановил лошадей и попросил разрешения сбегать напиться воды. Когда он спустился под кручу, шагав на 100 от нас, я быстро соскочил с повозки, схватил висящий на особом крючке гаечный ключ, быстро свинтил гайку с задней оси и бросил ее в придорожный куст. Ямщик ничего этого не видел, т. к. долго пил воду, лежа на животе, упершись в песок руками — по бычачьи, как говорят казаки.

Поехали дальше. Я следил за колесом. Вот оно отходит и уже ступица колес совсем слезла, но стук о кочку или камень — опять оно на своем месте. Никак не хочет соскочить с оси. Так отехали версты три и, наконец, колесо соскочило с оси и она запала по дороге. Озадаченный ямщик слез, долго чухал затылок, потом попросил Ч. поддержать лошадей, а сам пошел по дороге назад искать гайку. Этого только и нужно было. Мы так отлично понимали друг друга, что даже не пошутили, а сидели молча. С час проходил ямщик, а вернулся ни с чем. — Должно придется ехать шагом, сказал он, подходя к повозке и грустно поглядывая на ось без гайки. Но станица видна уже. Все равно и шагом приедем засветло.

— Ну, так я должно найду — сказал я, — пойдем вместе, брат. И мы с ямщиком пошли назад по дороге, чуть не обшаривая каждый куст по дороге, кроме того, конечно, где лежала гайка. Я ушел уже назад не три, а верст пять, но гайку опять таки мы не нашли, два часа же потеряли.

Поехали шагом и приехали в станицу, когда улицы уже были пусты. Подехали к дому Ч. Он жил в доме только вдвоем с женой, но когда мы вошли, на лавке сидел красивый высокий казак. Это уже нас поджидал вахмистр О. один из наших заговорщиков.

Хорошо и почти молча поужинали. Потом мне предложили лечь и отдохнуть, а сами ушли куда-то. Разбудили меня около 12 часов ночи. И пошли пешком по бурьянам и задворкам в темную ночь за станицу. Здесь ждала нас линейка парой, с ямщиком казаком на козлах. Сели и поехали.

Ехали лесом в совершенной темноте и в полнейшем молчании по дороге на станицу Каменномостскую, которая в добавок шла от балки в балку, в одной из которых мы вдруг остановились. Меня попросили ожидать на линейке и не курить, а сами исчезли в темноте на дне балки. Здесь должны были ожидать какие-то наши люди. Около часа я ждал возвращения своих спутников. Кругом царил мертвая тишина, усиленная

темнотой; лишь время от времени раздавались крики совы — сигналы наших лесовиков, как я после узнал.

Вдруг, почти около лошадей, из темноты леса раздался негромкий голос: „Не видали ли вы тут где пару быков?“ Это тоже, как оказалось, своего рода пароль. Однако, никто не показывался. Наконец, также тихо и неслышно, около дрог появились мои спутники. Опять молча поехали. Вот и станица Каменномогостская. Остановились. — Ну, что же вы узнали, тихо спросил я своих. — Да ничего; отряда, что мы ждали, здесь никакого нет, а за перевалом есть, что-то больше трех тысяч. Здешних же, боясь мобилизации красных, туда же увел сотник (забыл его фамилию), а, главное, они с собою унесли и винтовки, что еще по станицам у казаков были.

Что же делать? Я призадумался. Было три выхода из положения. Первый — вернуться назад в М., куда до рассвета можно было доехать незаметно. Второй — ехать через Даховскую за перевал на Туапсе, на соединение с 3-х тысячным, быть может тоже мифическим, отрядом, и третье — скрыться где-нибудь в районе станицы Даховской в лесах и отсюда вызвать кличем всех, кто против большевиков, а из за перевала перетянуть отряд на эту сторону.

Я избрал последнее и приказал ехать на Каменный мост, на станицу Даховскую. Мост этот образовался естественным путем из двух сросшихся береговых скал реки Белой, которая под ним бурлила на глубине 20 саженьей. Боясь, что на мосту стоит большевицкий караул из иногородних станицы Каменномогостской, мы тихо подобрались к нему, а затем карьером, рискуя сорваться с лошадьми и линейкой в пропасть — в реку Белую — пронеслись через мост. Все обошлось благополучно, нас не задержали и мы через час доехали до станицы Даховской в дом казака Сулова, после убитого большевиками, одного из вернейших и достойнейших сподвижников моих. Здесь уже ожидали нас несколько видных стариков станицы. Составили совет. Даховцы поднялись после все до единого и дали больше всех других станиц не только казаков, но, несмотря на бедность, в изобилии все, что для отряда моего было нужно. Они

успокоили меня насчет оружия и патронов, так как отлично знали, что в тылу их на перевалах в селениях Измай и Камыши у мужиков-большевиков много винтовок и патронов, даже есть и пулеметы и мы у них без хлопот отнимем. Решено было переночевать и перендывать без огласки, а на следующую ночь выехать на ночевку в горы и леса станичного юрта, где я избери себе стан и начну действовать. Весь следующий день, соблюдая большую осторожность, у меня перебыли все сколько нибудь значительные люди станицы и мы о многом совещались и советовались.

Поздно вечером следующего дня я поехал в сопровождении трех лиц искать себе убежище, послав в Майкоп надежных людей вывезти оттуда мою жену и детей в станицу Даховскую. Дня через три приехал ко мне только 14 летний сын мой, а жена с двумя младшими дочерьми ехать не решилась. Станица Даховская у слияния двух быстрых и холодных (всегда как лед), прозрачных горных рек: Белой и Дахо, на склонах отрогов главного Кавказского хребта. Покосы на ее юртах, начинаясь с мая, продолжают до августа и травы там цветут тоже от мая до сентября. Чудный горный воздух и непроходимые девственные леса — это юрт станицы Даховской. Жители занимаются рубкой леса, и, главным образом, скотоводством. В реке Дахо чудная форель, а в лесах всякие звери, от куницы до оленя и медведя и всяких пород коз. В вековых лесах, на полянах, благодаря теплomu застоившемуся в летнем безветрии влажному воздуху, растут папоротники, колоссальной величины. В них, что называется ни проехать, ни пройти. Дорог и тропинок множество, но они так переплетаются и так часто обрываются, что только казак лесовик по ней проберется куда ему нужно. Разных балок, крутых и пологих, чистых и заросших, множество, поэтому сено и лес возят на санях и летом, или только на одном передке воза и непременно на быках, — они и поднимут и спустят не торопясь и верно, лошади же начнут рвать, бить и, в конце концов, и воз и запряжка — в руче.

(Окончание следует).

Открытое письмо.

Казакам студентам О. К. С. С. и сотрудникам журнала „Казачий Сполох“ в Праге.

Царство силою берется и употребляющие усилие восхищуют его.

М. 10, 12.

При сем Иоанн сказал: Наставник! мы видели Человека именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами.

Иисус сказал ему: Не запрещайте ибо, кто не против Вас, тот за Вас. Лук. 9, 39.

Братя, казаки-студенты, сыны распятой родины, пленцы пахучих шелковистых степей Дона и опоя Казачества в годы переживаемого нами лихолетия неописуемых мук, страданья, плача и слез!

Камо грядете Вы, юные ратоборцы? Где Ваша духовная брань — украшение воина, геня, полководца; украшение творцов культуры, цивилизации и будущих строителей разоренных казачьих краев? Не чувствуете-ли Вы дух вольных предков, воплощенный в Вашу кровь и пылкое сердце, и которые оставили нам бессмертную память заветов, так ярко выраженных в песнях, преданьях, в распяты, князьях, страданьях; в тихих молитвах, стихах? Не Вам ли предназначено: дух, воплощенный в Вас, перевоплощать в души других, быть может, слабейших и меньших Вас? Не Вам-ли начертано быть неутомимыми и неустрашимыми борцами и проповедниками тех казачьих прав, которые находились и еще продолжают находиться под властью жестоких демонов, обитающих в красной Москве?..

Дорогие братья, прочитывая мою мысль, смотрите, не подумайте о том, что я имею намерение обличить или унижить Ваше достойное имя, которое не имеет

равной себя ценности в интересах казачьих чаяний. Нет, не жертвы, раздоров и смуты, а мира и об'единения страждущему Казачеству хочу.

„В единении сила“. Но только около казачьего имени, а не около имени растлителей и братопродавцев.

Я искренне благодарю Вас, моих младших по возрасту братьев, за выслаемый мне жур. „К. С.“, который издается О.К.С.С., как будто тоже в казаками. Но, прочитывая страницы журн. № 21, я наткнулся на весьма циничные статьи. Первая: „Настоящее и перспективы“, подписанная груп. В. К., и вторая, дополняющая первую: „Необходимо сказать“. Но, едва ли это было вызвано крайней да еще обдуманной необходимостью, чтобы украсить страницы молодого журнала подобным сквернословием!

Г.г. студенты, где же здесь логическая связь с именем Вол. Казачества? В обоих статьях, взятых вместе, кроме клеветы отчаявшихся провокаторов, ничего другого усмотреть нельзя. „Один в поле не воин“. А ведь Ваша главнейшая цель, как и всякой политической организации, состоит в том, чтобы своим благообразием и чистой Казачьей идеей, сконцентрировать около себя массу, которая есть закон — побед и поражений, и тем пополнить еще пустые шеренги только казачьим именем, но ничуть не провокаторами, цель которых увеличить тяжесть страдания Казачества и других поработанных народов...

Выпуская в свет свой молодой печатный орган „К. С.“, Вы сочли залогом успеха последнего форму партизанского наскока, приклеив В. К. ярлык тягчайших преступников и пр. ерунду, но отнюдь не подумали о ценности редактируемого Вами журнала „К. С.“.

С выходом журн. „В. К.“ на страницах его была ясно и определенно выражена идея и цель борьбы за независимость род. краев. Провозглашенная идея независимости, в которой и Вы как будто принимали участие, не осталась голосом, вопиющим в пустыне, а к неожиданности судьбаносцев Казачества, стала захватывать массы (на что жаловался Донской ат. ген. Богаевский во время посещения Видинской стан. в Болгарии в 1928 г.), пробуждая спящую совесть и разного рода нейтралитеты.

Вышедши, по разным причинам, из состава В. К. и пополнивши ряды литературных сил провокаторами и врагами Казачества, и обмыслив воинственный план (а так конечно, в пользу того, кому не угодно казачье свободомыслие), Вы не предусмотрели самого важного — это того, чтобы, обеспечить ту же всеми необходимыми средствами борьбу, а после утлы, сообразуясь с наличием живых сил, перейти к активному наступлению. Вы же с первого печатного слова, по голому полю, перешли в стремительную атаку для того, чтобы разгромить не противников из В. К., с которыми сотрудничали за одну и ту же идею, а самих себя, на радость общим врагам. И что ж, ничтожная атака, ничтожны и последствия.

Братья, какие Вы преследуете цели, разжигая противоречия и ненависть среди Казачества? И для кого Вы это так усердствуете? Не для К-о ли Милюковых? Нет, братья, это все не на пользу, а во вред Казачеству! Руководствуйтесь голосом личной совести, присоединяйтесь куда знаете, но не помогайте врагам добиваться Казачества. Голос в родном краю слышен, плач и рыдание и вопль великий; матери плачут о детях своих и не хотят утешиться, ибо их нет...

Не мы-ли должны взять на себя немощи отцов наших и понести болезни? (М. 8, 17). Поверьте, что пишу Вам так, я не преследую цель, чтоб обвинить Вас, а опровергать руководителей В. К. Нет! Никак! Я допускаю возможность, а она, быть может, и не исключена, что и руководители В. К. имели некоторые недочеты, но это еще не тупик и при сих обстоятельствах свет клином не сходит. Идея дороже денег, крови и жизни! „В. К.“ не вызывало на поединок: ни ген. Богаевского, ни легионы Милюкова, а тем паче Вас, дорогие братья студенты. И к чему Вы вооружаетесь чужою мыслью? — об этом подумайте сами.

В журн. „К. С.“, № 21, Вы воспели хвалебную песнь госп. Масарику, президенту Ч.-С. респ. Хорошее дело сделали Вы, ибо он муж и борец за свой народ и достоин больших песен и похвал, но плохо то, что Вы, живя в Праге и чувствуя теплое дыхание этого борца-самостийника, до сих пор не научились тому, как нужно бороться за святость национальных прав. Г. Масарик, отстаивая независимость Чехии, не хныкал в то же время о великой Австрии, как это делаете Вы на стр. „К. С.“.

Не Вы ли свидетельствуете о нем, Масарике. Вот как отстаивал он свое право, т. е. право Чехии: „Подавая многочисленные меморандумы правительствам союзных держав, он указывает на необходимость раз-

деления Австро-Венгрии и создания независимой Чехословакии, Югославии и Польши“.

Ведь многие из Вас так недавно трубили казачью тревогу, призывая Казачество под знамя В. К., а ныне, изменив, свои политические вехи, начинаете трубить отбой, позорно сдавая прежние позиции антиказачьим героям. Как видно из статьи г.г. Кожановского и П., Вы, отдавшись на милость своих победителей и соблазнитель, вновь начинаете рыться в пережитке Московского хлама, отыскивая что либо подходящее к чему можно было бы прикрепить пробудившееся Казачество и тем прикрыть окровавленную дыру — признак неизбежного распада б. великой и неделимой.

Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленной ткани; ибо вновь пришитое отдерет от старого и дыра будет еще хуже. Не вливайте так же вина молодого в мехи ветхие (М. 9, 16, 17).

Братья, пробудившееся Вол. Казачество и вообще Казачество немало затрудняет тот народ, который: „поражал народ в ярости ударами неотвратимыми, во гнев господствовавший над племенами с неудержимым преследованием (Ис. 14, 5)“. Но оно не затрудняет Бога, ибо настанет время, когда северные завоеватели позорно побегут вспять, а освободившиеся племена и языки будут ликовать от сердечной радости.

Вы выносите В. К. ряд тягчайших осуждений и за средства, и за союзников, и за какие-то ген. штабы, и пр. Но, Вы подумали-ли о том, что здесь идет не трактирная игра, а борьба народов за право жить и самому распоряжаться в своей родной Земле, в своем родном доме? А для таковой отыскание средств и добрых союзников является первой необходимостью, а иначе без первого и второго, всякая борьба за независимость едва-ли возможна. И если Вы эти действия руководителям В.-К. движения вменяете в вину, то тогда значит, Вы стоите на довольно почтительном расстоянии от всякой активной борьбы за освобождение Казачьих Краев, а лишь занимаетесь полемикой и заблуждаете рядовое казачество? Поверьте, братья студенты, что Ваша присуда в политическом мире силы не имеет. Кроме того, руководители В. К., отыскивая средства и союзников, ни людьми, ни историей не осудятся.

Если бы Вы, как последователи той же идеи, которую Вы сейчас толчете в грязь своими ногами и дадете толочь вкравшимся в Вашу каз. семью провокаторам, указывали бы руковод. В. К. на несоответствующую платформу, то этот бы благоразумный раскусок сменился бы Вам не в вину, а в оправдание, т. к. всякий обнародованный закон может быть пересматриваем и изменен.

В заключение всего изложенного прошу Вас извинить меня и считать не как противника, а брата, ибо кого люблю того и наказую.

Высылаемый журнал буду читать с большим удовольствием.

Долой вражду! Да будет мир и объединение всех вольных казаков.

Шлю низкий поклон, П. Кудинов.
7-VII-30. Болгария.

Думы и мысли.

„Необходимо сказать“.

Под таким заглавием на страницах „казачьего журнала“ „Казачий Сполух“ № 21 помещена статья, подписанная инициалами „К. П.“ Думаю, что еще более необходимо добавить и указать автору статьи, что ссылка его на показательный, как он говорит, документ, приведенный выше на страницах того же журнала „Настоящее и перспективы“ и подписанный „группой казаков Вольного Казачества“, говорящих от имени казачьей интеллигенции, является не больше, как выстрелом в воздух холосым зарядом. Не знаю лично никого из группы сих вольных казаков, так называемой оппозиции, я хочу напомнить, что нет правила без исключения, или что никакое стадо не гарантировано, что в нем не

заведется паршивая овца. Не мешало бы господам, говорящим от имени молодых культурных сил Казачества, претендующим на руководящую роль и говорящим о свободе Казачества, помнить, что казаки не так уж не грамотны политически, какими автор статьи их представляет и всегда чувят откуда ветер дует и могут легко отличить настоящую монету от фальшивой.

У меня нет намерения писать обо всем подробно. Я только хочу сказать, что заблудившиеся овцы, говорящие от имени молодой казачьей интеллигенции, сбились с прямого казачьего пути и тянут туда же казачью массу. Может быть им удастся затянуть в свои политические сети некоторых казаков, но это будет временное торжество. Казак одумается и вернется на свой исторический путь. К чему звать казаков в политические

группировки? — У казаков есть одна группировка, одна организация — около своего выборного атамана, который должен вести и способствовать осуществлению наших казачьих интересов, в устройстве благополучия своего Края и напоминать казакам, если они забывают, что нужно любить „свою станичную колокольню“, для основания и укрепления которой наши предки клали свои головы и лили свою кровь. У нас казаков одна программа, один исторический путь. Отнимите у казака его выборного атамана, его быт и вы его обезличите. К этому всегда стремилась Москва раньше и эта же политика проводится коммунистами в наших Краях ныне. К чему нам казакам менять свой исторический путь, изменять свои казачьи идеалы и вступать в различные чужие партийные группировки?

Я не отрицаю необходимости политического образования казаков. Казаки должны научиться разбираться во всех сложных вопросах и программах современной мировой политики, но это не значит слепо и неукоснительно следовать кабинетным выдумкам.

В конце статьи г. К. П. призывает распространить любовь „к станичной колокольне на всю Россию, искать естественных союзников на родине, а не в чужом государстве“.

Разве ему не известно, как отплатили казакам наши „естественные союзники“ русские в 1919 году в ноябре месяце в городе Екатеринодаре и как до сих пор наши семьи там на родине, расплачиваются за этот союз с Россией? Несмотря на протекший десяток лет, и теперь еще свежи воспоминания и раны, чтобы забыть, как наши союзники добровольцы вдруг обратились в оккупантов нашего Края и мечтали завести там свои порядки.

Я сам участник недавней борьбы и хорошо помню, как нам заплатили наши союзники. Напомню еще г. К. П., что когда настанет момент искать союзников, казаки не будут спрашивать его указания на этот счет, а сама жизнь, действительность и обстановка, укажет нам путь и союзников. Я не собираюсь вступать в полемику с г. К. П., но прочитав его статью, как казак не могу молчать да и боюсь за тех казаков, которые прочитав его статью примут его писания за правду. Истинная свобода России и Казачества, говорит г. К. П., потребует много жертв, но не договаривает, что Казачество и сейчас там, в родных Краях, приносит великие жертвы третьему интернационалу во имя все той же самой любви к станичной колокольне, в то время как русский мужик уже давно снес с лица земли свою сельскую колокольню.

Г. К. П. говорит, что всякая казачья политическая группировка пошла бы охотно по нашему казачьему пути, если бы мы любовь к станичной колокольне распространили на всю Россию. Я человек верующий в Евангелие, но я только человек и еще не настолько совершенен, чтобы подставлять другую щеку, когда бьют по одной, а наоборот защищаюсь и, кроме того, истинная любовь сама по себе эгоистична и если кто любит, то требует чтобы и его любили, а однобокая любовь несовершенна и непродолжительна, к тому же любовь жертвенная не заключается в одних красивых словах. Здесь я предложил бы г. К. П. оглянуться назад на историческое прошлое Казачества и России, сравнить их взаимоотношения и чистосердечно сказать правду, где он больше находит доказательств любви на деле с одной и с другой стороны? Кто расширял, укреплял и охранял границы России?.. Казаки. Чьи кости покоятся в многочисленных безымянных могилах по горным границам Турции, Персии, Афганистана и др.?.. Казачья. Чья кровь лилась за обладание Сибирью и Астраханью?.. Казачья. Разве наши предки этими делами и фактами не доказали любви не только к своей станичной колокольне, но и ко всей России? А каковы доказательства ответной любви России к Казачеству? Может быть он забыл то любовное и ласковое отношение к Казачеству императора Петра I, Екатерины II и других? Сколько казачьих голов, на протяжении истории снятых с казачьих плеч Москвой, гласят об ответной любви России к Казачеству?

Слишком дорогой ценой заплатили казаки за свое право иметь свою станичную колокольню... А в насто-

ящей борьбе разве не продолжает Россия доказывать и подтверждать фактами насилие над нашими Краями? Это ли есть любовь к Казачеству? Мы унесли в изгнание любовь к станичной колокольне, которая мешала некоторым идти по нашему исконному пути. Не хотят с нами, — тем лучше, меньше будет сорной травы в Казачестве. Ценность и сила не в количестве, а в качестве. И не мешало-бы этим господам, называющим себя молодыми интеллигентными силами, работать на пользу Казачества и ближе стоять к казачьей идеологии, а не быть ветряными мельницами и тратить свои силы на пустую, для казаков неубедительную болтовню. Конечно, как молодым интеллигентным силам до некоторой степени вам можно простить, ведь молодость всегда болтлива, но повторяю, что болтливость извинительна до некоторой степени. Не надо увлекаться словоблудием в ущерб делу.

Всем нам памяты революционные дни „великой безкровной“ и увлечение русского народа „говорильными машинами“ (имена которых всем известны) и те плачевные результаты, к которым привело такое увлечение словоблудием.

Опыт говорит, что на ошибках учатся, не мешало бы говорунам, зовущим казаков в свои „политические группировки“, принять к сведению прошлое и не вставлять палок в колесо казачьего дела, а поближе стать к казачьей идеологии, чтобы не разучиться совершенно балакать с казаком, понимать его и тем избежать повторения той роковой ошибки, которая была в руках прежней России. Когда интеллигенция настолько ушла от массы, что перестала понимать ее, когда увидела, создала свою ошибку, то не помогли ей ни рубашка с кушаком, ни хождение в народ, так как они уже говорили на разных языках...

Никто не родится с готовым патриотизмом и готовою любовью к родине, а они постепенно возникают и воспитываются. Ребенок сперва любит свою мать, родившую его, затем всю семью, затем всю станицу, село, деревню, свою школу, и потом уж учится любить свою родину, свой край. И потому, молодые культурные казачьи силы, научитесь сперва любить свою казачью колокольню и не разрушайте этой любви в казаках. А потом, если будет за что, казаки полюбят и Россию.

Н. Посохов. (Италия).

Прошлое.

Проскакал трубач по дорогам, проиграл сигнал — тревогу и сбор, загорелись сигнальные шесты — вышки над станицей, за клубилась пыль по дорогам, поскакали казаки к станицам, на бегу осматривая ружье и запас приготовленных зарядов; все бросили полевые работы и поспешили под защиту станичного гарнизона; не говоря уже о лошадях, даже волов гонят полным карьером, чтобы поспеть во время. Из станицы спешно было выслано несколько групп казаков для прикрытия возвращающихся с полевых работ. Ко всей суматохе и сама природа нахмурила брови — повисли тучи и приготовились разразиться грозой; был полдень, а стало как в сумерках. Все это увеличивало тревогу и ожидания чего-то необыкновенного.

А ущелье Кумы уже оглашалось трескотней выстрелов и гиками наседающих на отходящие казачьи заставы горцев, которые, скопившись в достаточном количестве, решили внезапно напасть на станицы, пользуясь временем полевых работ. Но зоркий глаз караульных казаков не пропустил приготовлений врага не замеченными и станица быстро была предупреждена об опасности. Внезапность нападения была предотвращена.

Станица лихорадочно готовилась дать врагам достойный отпор. Около станичного правления собрались казаки и выслушивают короткие, быстрые и толковые распоряжения своего станичного атамана, который не распоряжался, а священнодействовал. Человек он был бывалый, не раз станицу от беды выручавший и любовь и доверие всей станицы заслуживший.

Отходившие казачьи раз'езды на хвосте привели врагов к станице, но горцы не пошли сразу на приступ, очевидно имея особый план и свой маневр.

Станица стала напружено ждати. Потекли томительные часы ожидания неизвестного. Уже солнце скрылось за соседние горы, когда горцы главными массами обойдя станицу, напали на нее со стороны гор, именно оттуда, откуда нападения не ожидали. Завязалась жаркая схватка. Пошли в ход кривые шашки, кинжалы, ибо стрельба в темноте была бы бесполезной, только увеличивая панику слабых сердцем. Много лихих казаков нашли смерть в первой схватке, но все же горцы ворвались в станицу и захватили несколько кварталов.

Казалось, что дело плохо, но подоспевшие с резерва казаки спасают положение, еще несколько казачьих голов полегло на пыльных улицах, но зато и горцам досталось не меньше. Кроме там и сям валяющихся убитых и раненых, в руки казаков попало много оружия и несколько голов горских скакунов, потерявших своих хозяев.

Только тут заметили, что бой происходил во время сильного дождя под аккомпанимент грома и молний. А дождь был проливной. Но уже тишина. В это время опять показались всадники с пением своих молитв и опять начался приступ.

На валу ограды стоял немой казак Колесников с ружьем в руках и поджидал врагов, чтобы даром не потерять заряда. Когда враги подошли почти вплотную к нему, он поднял ружье и грянул в лицо всаднику на белом коне впереди наступающей партии. Казаки после говорили, что в момент выстрела слышали, как немой ясно произнес: „Господи, благослови!“ Всадник на белом коне, отдававший какие-то приказания окружающим, внезапно умолк и кувыркнулся на землю. Ободренные удачным и неожиданным выстрелом немого Колесникова, казаки дружно стали в упор расстреливать нападающих. Успел ли снова зарядить ружье немой, никто не видел, только видели, как он, козой перескочив через ограду, скрылся в темноту в ту сторону, где пал застреленный им вождь горцев. Через минуты — две, он показался неся в руках богатую добычу: весь серебряный наряд горца достался ему — кинжал, шашка, два пистолета не забыл даже прихватить газыри и шапку.

Только что успели немого поднять на вал, как горцы с новой яростью бросились на валы в приступ, но снова казаки отбили их с уроном. Только в пятый раз горцам удалось ворваться через вал в станицу и резня началась на улицах, у каждого куреня. Казаки защищали до последнего свои очаги, а горцы были разъярены большой потерей в людях и лезли на пролом; на места передних убитых лезли другие, чтобы удержать за собой сделанный прорыв.

Долго шла резня с переменным успехом, с большими жертвами с обеих сторон, пока неожиданно не подоспела помощь казакам из полкового резерва. Дружное „ура“ отрезвило горцев и заставило их враспыленную броситься прочь от станицы к берегу Кумы.

Когда резерв спешил на помощь станице по пути ему попалась казачка, которая во время сечи была захвачена горцами и отведена в тыл под охрану одного горца. Горец уверенный, что казачка не вздумает бежать, не был особенно бдителен. А девица тем временем шевелила мозгами и догадалась, что если она потихоньку опустится вниз, то бурка на ней, намокшая и затвердевшая, останется стоять и горец спокойно будет сидеть, окарауливая пустую бурку. Рассчет казачки оправдался и она, отойдя в сторону, бежала в полковой резерв с вестями о нападении. Но полковой резерв был уже заранее предупрежден и встретился со смелой казачкой на пути.

Таким образом, надежда горцев — до утра овладеть станицей и все живое и мертвое сделать своей добычей — не оправдалась.

Горцы после этой ночи совсем перестали в этом месте делать попытки внезапного нападения.

Предание говорит, что род немого героя Колесникова до сих пор продолжается, а смелая девушка долго служила предметом вздыханий станичной молодежи.

А станица наша так разрослась в предвериях ущелий и лесов, что была больше некоторого города. Жить бы казакам, да жить, но рок судил иначе: что не смогли сделать горцы, сделали москаля... **Е. Булавин.**

Козачі думки.

Оце вже скільки я живу, а все ніяк не розберу, за що ми з Хати вигнані на чужину. Чи хвороба занесла, чи така вже доля, що покинули ми неньку та пішли за море?

Швидко й соничко зайшло, скоро й потемніло, — не розумію, бач, чого так рано воно сіло? Чи прийшла черга, — край щасливій долі, — що панує на Кубані нечистая сила?

Що робить? — і сам не знаю, — вража сила залізла в хатину і на покуті святому мов розперезалась, і вікони — все святее — все повикидала, мов тепер уже не треба — сама Богом стала...

Наче світ такий, як був, любий та щасливий, а живеться, бач, не так на Кубані милій... І ніяк не зрозумію, що ж воно за „сила“, що козацтво те не дома, — живе у чужині?.. Чи на те ж воно родилось, щоб у наймах працювати та кривавими потоками хліба-соли заробляти? Де ж дівалась дідовщина, — бач, не зрозумію, — що добута колись давно тяжкою добою?..

Й стоємо ми на розхрещу та не розумієм, як зібратись нам докупити батьківщину визволяти та із покуті святого сатану прогнати...

Еднаймося ж, гуртуймося всі докупити, козаки, та за щастя, та за волю будем далі вмісті йти! Аж повернемось додому, будемо мирно жити, а тепер шукаймо зброю, гуртуймося в громади, щоб не плакала Кубань, рідна наша мати...

15-V-1930.

Грицько Таманець.

В изгнании...

Душа болит, скорбит и плачет о судьбах Дона — Родины моей... Там дьявол красный дико скачет в просторе сказочных полей... И нет конца кровавой муке, позору, плачу и слезам... Когда пройдут года разлуки, — к родным вернусь я берегам?

Просвета нет. Лишь боль страданий... Темнее тучи я брожу и чередой воспоминаний больные раны ворошу... Но, иногда, в бессильной злобе я от людей к себе иду и в лихорадочной ознобе про Дон бывое я прочту. И пожелательные страницы навеют радужные сны... Пройдут донских героев вереницы и слава славной старины...

18-V-1930.

В. Орехов.

Письмо в Редакцию „В К.“

Станичник Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах уважаемого журнала „Вольное Казачество“ наше нижеследующее заявление:

Мы, казаки Скоплянської общеказачьей станицы, неоднократно замечая в печати органа Студенческой организации в Чехословацкой Республике „Казачий Сполох“ весьма некрасивые выступления по адресу органа сынов Дона, Кубани, Терек и других казачьих Войск — „Вольного Казачества“, который отстаивая права и честь наших предков, борется за идеи и интересы истекающей кровью нашей многострадальной Казачьей Родины и израненной и искалеченной казачьей эмиграции, мы, старики казаки, на закате своих дней с прискорбием должны засвидетельствовать свих казачьей молодежи в эмиграции, совершенно забывшей, что в их жилах течет кровь вольных казаков.

Принимая во внимание жизненную неопытность нашей студенческой молодежи и неблагоприятные условия, в коих им пришлось получить воспитание в эмиграции, по поводу их несознательных ошибок, могущих однако иметь роковые последствия для Казачества, мы на сей раз ограничиваемся воззванием ко всем казакам, любящим свою Родину, оказать должное влияние на наших детей и взять под опеку Студенческую организацию в Чехословацкой республике, на чью голову безусловно падает вся ответственность за издательство далеко непродуманного и беззащитного их

печатного органа, присвоившего себе вывеску „Казачьего Сполоха“.

Примите наши огорчения и печали за грехи студенческой молодежи, на которую мы казаки много рассчитывали и возлагали свои надежды...

Подписали:

1) Яков Ковган, кубанец (Атаман станицы), 2) Гри-

горий Дорошев, донец (писарь станицы), 3) Михаил Портнов, уралец (помощник атамана), 4) Петр Апостолов, донец, 5) Илья Чаплыгин, кубанец, 6) Федор П. Гусаров, кубанец, 7) М. Сергиенко, кубанец, 8) Иван Чикин, кубанец, 9) Василий Компаниец, кубанец, 10) П. Титиев, донец, 11) Михаил Кардаш, кубанец, 12) Александр Медяник, кубанец, 13) Марк Гноевой, кубанец, 14) Иван Лапин, кубанец, 15) В. Муров, семирек.

Казачья старина.

Сидір Гнатович Білий.

(Перший Кошовий Отаман Чорноморського Війська р. р. 1781—1788 — † 11/24 липня 1788 року)

Після зруйнування Запорозької Січі (4-17 червня р. 1775), більша частина запорозьких козаків втікла в Туреччину і заснувала там Січ на Дунаї. Частина залишилася дома і розбрилася по різних місцях: одні з них поженились, пообзаводились родиною та господарством, другі „бурлакували“, себ то залишилися нежонатими і ждали тільки того, щоб знов заснувати своє вільне товариство. Старшини, що не були московським урядом заслані, були перейменовані в чини московської армії. Московський уряд на раду Потьомкіна порішив — з тих запорозьців, що не втекли до Туреччини, зробити два пікінерські полки (піше військо зі списками); одначе вільні сини степів нізащо не хотіли перевертатись у москалів, і зісталися жити по своїх степах.

Не багато часу проминуло, як московський уряд побачив, що поспішився зі скасуванням Війська Запорозького, — він зрозумів, що небезпечно було оставляти таке військо у руках Туреччини. І от цариця Катерина II у р. 1779 звернулася до Турецького Султана, щоб він вернув запорожців, яких обіцяла вона зрівняти у правах із усіма своїми підданими та забути минуле, або щоб Султан звелів відсунути запорожців далі від границі.

В р. 1784 Потьомкин доручив колишньому писарю Війська Запорозького Антонові Головатому та старшині: Сидорові Білому, Харкові (Захарові) Чепізі, Хведорові Легкоступові та Бурносіві зібрати запорожців, які хочуть служити в козаках. Скоро на поклик старшини стали збиратися запорожці у Бериславі.

В р. 1787 скористувавшись перебуванням цариці Катерини II на Україні — Сидір Білий та другі козацькі старшини, представились цариці в Кременчузі.

У тому році розпочалася війна з Туреччиною, і московський уряд дав дозвіл на заснування Війська та назвав його „Войском верных казаков Черноморских“ — а не дали назви запорозького тому, що існувало війське запорізьке у Туреччині і мало свою Січ на Дунаї. Так

повстало „Войско верных казаков Черноморских“, і першим кошовим отаманом, згідно бажанню козаків, призначено Сидора Гнатовича Білого (27 лютого р. 1787), військовим суддею Антона Головатого, військовим писарем Івана Підлесецького, військовим осаулом Олексу Кобенька.

Сидір Гнатович Білий належав до видної старшини останньої Запорозької Січі. Ще в р. 1774 він, будучи осаулом Запорозького Війська, був на чолі козацької делегації, що висилала запорожцям до Петербургу. Коли козацька делегація клопоталася у Петербурзі і скрізь зустрічала підтримку — Запорозька Січ 4-17 червня р. 1775 була зруйнована генералом Текелієм. Може бути, що ця обставина спасла Сидора Білого від тієї долі, що спіткала останнього кошового атамана Петра Кальниша та других старшин, що в той час були на Запоріжжю. Як тільки пройшли хмари, що згустились над запорожцями — Сидір Білий, разом з другими старшинами, став клопотатись про відродження Запорозького козацтва.

У році 1787 повстало Чорноморське козацьке Військо, і першим кошовим отаманом, згідно бажанню козаків, був призначений Сидір Білий. Першим ділом кошового атамана було заложення військового коша біля гирла р. Бога в урочищі Василькові, на лівому березі Богського лиману в колишній Запорозькій паланці на Кінбурнській косі, куди вони перейшли з Берислава.

Не довго прийшлося Сидору Білому бути на чолі Чорноморського Війська. Московський уряд дав наказ, щоб чорноморські козаки на своїх човнах допомогли принцеві Носау-Зінсеру, що керував московською флотією під Кінбурном. У липні місяці р. 1788 козаки під Кінбурном виявили свою надзвичайну відвагу і войовничий хист; на своїх чайках вони сміливо, не дивлячись на страшений вогонь, підпилили до турецьких караблів, зчепилися з ними і билися як леви. Нарешті турецька флотія була до щенту розбита. Але не дешево ця перемога дісталася козакам: чимало їх вбито і поранено, а по-між ними й Кошовий Отаман Сидір Білий був тяжко поранений, а 11-24 липня року 1788 помер.

Международная жизнь.

События в Финляндии.

В июне и июле с. г. разыгрались в Финляндии события, имеющие значительный интерес. Эти события, взволновавшие тихую и небольшую Финляндию, вылились в определенный характер решительного противомонополистического движения, великомерно организованного финляндским крестьянством. Близость советской границы и Карелии, служащей все время до некоторой степени постоянным так сказ. территориальным „недоразумением“ между большевиками и финнами, является достаточной угрозой для Финляндии в смысле распространения в ней коммунистической заразы. Постоянная массовая переброска большевистских агентов в Финляндию и повышение деятельности собственных коммунистов в стране создало общее напряжение. Финляндское же правительство, как и все европейские либеральные правительства, не могло или не

хотело проявить, решительности в ликвидации элементов, расшатывающих основы свободы и отечества. Пользуясь покровительством либеральных законов, коммунисты в Финляндии распространяли свою губительную работу, применяя к своим противникам методы большевистской тактики различных насильств и провокации. Таким образом, в своей борьбе с враждебными себе классами и самим государством, коммунисты по отношению к себе требовали применения либеральных законов, основанных на праве и человеческой гуманности, сами же по отношению к своим противникам не стеснялись применять свои специфические приемы, исключаящие всякую мораль и снисхождение. Понятно, что при таком положении дела правительство финляндское не в силах было радикально ни защитить себя, ни достаточно охранить население от коммунистической деятельности.

Тогда защиту себя против коммунистических наси-

лий и эксцессов взяло в свои руки само население Финляндии, возглавляемое земледельческим классом. Таким образом противокоммунистическое движение финляндского крестьянства осятилось как бы правом „классовой борьбы“, признаваемой, проповедуемой и выдвигаемой самими же коммунистами.

Движение возглавил союз комбатантов, сельских патриотических христианских обществ, группировавшихся возле генерала Манергейма, героя бывшей войны с большевиками. Непосредственное же руководство противокоммунистическим движением приняли на себя крестьянин Косола и пастор Карес. От 17 июня по Финляндии начали отбываться целый ряд организационных противокоммунистических митингов с призывами к решительной борьбе против врагов государства, религии, морали и культурного общества. Значительные митинги состоялись в Улеаборге, Вазе, Куопло; самое же замечательное и многочисленное собрание крестьян отбылось в небольшом местечке Лаппо, от имени которого и все финляндское противокоммунистическое движение получило название „Лапповского“. На этом собрании выступил популярный политический деятель Свинхвуд, бывший первым правителем Финляндии. На этом же собрании в Лаппо был и решен „поход“ на столицу Гельсингфорс с целью продемонстрировать свои силы и потребовать от правительства издания законов, защищающих государство от коммунистов.

До этого времени финляндские крестьяне начали энергичную борьбу с коммунистами на местах, подвергая своих классовых противников различным репрессиям. Так посредством „лапповцев“ были в Улеаборге, Вазе, Инделанде закрыты все коммунистические газеты, а многие отдельные коммунисты подверглись в публичных местах и на улице позорящим насилиям: с коммунистов снимали всю одежду и оставляли голыми. К некоторым видным коммунистическим деятелям и депутатам применялись даже обратным способом их же большевицкие приемы: их „похищали“, отвозили насильно на советскую границу и там раздетыми прогоняли в Совдепию. Такой решительный образ действия произвел большую панику и замешательство в рядах коммунистов, и они массами начали покидать Финляндию, ища убежища в СССР и, с еще большею охотой, в Швеции.

Накануне 7 июля совершился знаменитый поход на Гельсингфорс. Лапповцы по группам, стройными дисциплинированными рядами с черно-синими повязками на руках под паролем „прогнать всех коммунистов в Россию“ и с девизом „никто не освободит тебя, если сам не хочешь“ — наполнили окрестности города. В следующие затем дни лапповцы вошли в город, устроили несколько митингов и в торжественных походах по городу продемонстрировали свою силу, везде с одушевленной радостью встречаемые и приветствуемые населением; после этого обратились с решительным требованием к правительству об издании охранительных законов против коммунистов.

Создавшийся вследствие таких обстоятельств противокоммунистический кризис в Финляндии разрешен был призыванием в состав правительства Свинхвуда; ему было поручено составить новый кабинет и подготовить закон о лишении коммунистов гражданских прав с запрещением занимать государственные и общественные должности. Отбыв „поход на Гельсингфорс“, лапповцы мирно и в строгом порядке разошлись по своим местам. Пока же в финляндском правительстве улаживалось смятение, вызванное требованием лапповцев, да пока коммунистические депутаты, поддерживаемые социал-демократами протестовали против насилий лапповцев, раздраженные и униженные коммунисты начали прибегать к варварской мести и поджигать имения комбатантов. Лапповцы в свою очередь извоновались, заявили, что при таком обороте дела они начнут разговаривать со своими противниками „другим языком“. Вследствие всего этого в Финляндии затянулся противокоммунистический кризис и создано серьезное угрожающее положение в стране. Закон, выработанный правительством внесен был на утверждение в финляндский парламент. Парламент отклонил в третьем чтении закон о защите республики, направленный против коммунистов. Правительство распустило парламент и назначило новые выборы на 1 октября; в свою очередь и правительство Свинхвуда подало в отставку. Впредь до образования нового кабинета министерство Свинхвуда останется у власти.

Финляндские события нашли уже некоторый отклик и в прибалтийских государствах. Крестьяне Эстонии образовали „комитет действия“ с целью, по примеру лапповцев, организовать крестьянский поход на Ревель; тоже и в Латвии в крестьянских организациях обсуждается поход на Ригу с целью побудить сейм принять меры к ограждению интересов сельского хозяйства.

Оценивая кратко финляндские события, мы не можем не отметить того отрадного в них явления, что в сущности в Лапповском движении проявляется серьезное массовое организованное движение против коммунизма.

Для нас, казаков, это явление тем отраднее, что инициативу в этом движении взял в свои руки, осознавший себя, стремящийся всегда к правопорядку земледельческий класс, на котором зиждется наиболее прочные устои государства.

В ряду создавшихся до сего времени разных частных противокоммунистических и антиинтернациональных обществ и лиг, Лапповское движение, имеющее тенденцию стать государственным является наиболее серьезным и обладающим реальной силой.

В Европе наконец начинает, хотя медленно, пробуждаться сознание, что против коммунизма можно успешно бороться лишь противокоммунистическими радикальными мерами при поддержке самого массово-организованного населения.

Казачья эмиграция.

† М. Ф. Фролов.

14 сего июля в Праге стало известно, что 11 июля в Литомышльской больнице (недалеко от Чешской Тшебовы) скончался (а 13 похоронен) бывший соредактор „В. К.“ Михаил Федорович Фролов.

Как известно, М. Ф. Фролов давно уже болел туберкулезом. Случайная простуда оказалась роковой.

Вольные казаки в Праге отслужили панихиду по покойному.

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь
Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах Вашего уважаемого журнала „Вольное Казачество“, посылаемый при этом материал, могущий до некоторой степени осветить положение казаков-колонистов в Перу, что должно быть интересно для Казачества, так как мы заботимся не только о собственном благополучии но помним о всем Казачестве.

Господин Редактор, разрешите Вам напомнить следующее: 30 марта я послал Вам приговор казаков моей станицы, в котором говорится: „Впредь просим верить только официальным информациям Генерала Павличенко или приговорам станицы за подписями казаков, а отдельные выступления безответственных лиц во вни-

мание не принимать". Вот Вам пример с „ходоком“ Усатовым, которого показания помещены в № 55 „Вольного Казачества“ и цена этим показаниям ломаный грош. Прежде всего г. Усатов в Монтании не был и знает о ней со слов других казаков даже не бывших на Апуримаке и бежавших из колонии не казаков, показания которых не стоят внимания. —

Первая попытка поселения на Апуримаке провалилась не благодаря разным вредителям, муравьям, насекомым и т. д., а потому, что Королевич преступно ничего не организовал и не послал всего необходимого для жизни в Монтании. Г. Усатов, ехавший в Перу с целью личного скаочно-быстрого обогащения (по обещанию Королевича) увидев, что никакое богатство не дается без труда, даже в Америке, в одиночку бежал в Европу, сделавшись не „ходоком из Перу“, а просто девертиром обще-казачьего дела. Наглою ложью является заявление Усатова, о том, что он послан казаками и что казаки просят Атаманов о спасении — вывозе их из Америки. Если бы казаки его послали то он не ехал бы „вайцем“ на пароходе. Как я уже сообщил Войсковому Атаману Кубанского войска, что мы выбрали новый район, для поселения казаков, в 140.000 гектаров земли, более удобный по климатическим и другим условиям, где можно поселить десятки тысяч казаков, при активной помощи Правительства Республики. — Если и эта вторая попытка не удастся почему либо, ну тогда уже будем думать о нашем отступлении и может быть, если будет надо, обратимся за помощью к Атаманам, а пока еще верим, что создадим очаг казачьего благополучия на Монтании. Ложь Усатова, относительно джигитовки, раскрывает заявление моих джигитов, которое при сем прилагаю. Это опровержение прошу напечатать в первую очередь.

Привося Вам, Господин Редактор, глубокую мою и казаков благодарность за присылаемые номера журнала „Вольное Казачество“ еще раз прошу Вас не печатать показаний безответственных лиц, вроде Усатова, вредящих обще-казачьему делу, за которым мы сюда приехали. Были у нас в колонии два кадета Свидин и Черноусов, которые задолжавшись кругом, продав чужие вещи уехали в Лиму на карнавал и там были арестованы по моей телеграмме.

Возможно, что в скором будущем они будут высланы в Европу и вообразите, какую „истину о Перу“ могут сообщить подобные „ходоки“ не видав Монтании.

Казак Подрезов, когда я ему предложил отправиться в колонию, отказался от моего предложения, насильно же я никого посылать не намерен, был же он арестован, повидимому по настоянию Королевича без моего ведома, за что я подам жалобу по приезде в Лиму.

Прошу принять уверение в совершенном к Вам почтении.

Атаман казачьей станицы в Республике Перу,
Генерал-Маиор Павличенко.
Ад'ютант, Есаул Соколов.

12 мая 1930 г. Тамбо.

Заявление казаков-джигитов.

Мы нижеподписавшиеся казаки-джигиты группы генерала Павличенко, прочитав в № 55 журнала „Вольное Казачество“ показания казака Усатова, которого мы знаем, как „двй ветер“ и заявляем, что все его показания сплошная ложь. Нам хорошо известно, что Усатов всегда в глаза говорил генералу Павличенко, что он наш отец, казак душою и сердцем всегда с нами, а за глаза всегда лил грязь. У Усатова всегда было в характере очернить своего старшего казака-офицера и он всегда говорил „мы люди темные“. Кроме того Усатов уехал из команды джигитов и поэтому говорить от лица колонии не мог ибо в колонию и не приехал, а если же и мог говорить то только от нас — джигитов, но мы ему на это не давали никаких полномочий.

Если бы было так плохо в команде, как о том говорит Усатов, то этот человек очень капризный, прихотливый и требовательный не оставил бы генералу Павличенко, переданной через нас записки, следующего содержания: „На службу к Вам всегда готов, казак казака всегда поймет“. Повидимому Усатов не собирався в Европу и только случайно выехав решил использовать казачьи организации с целью устройства личного благополучия, выдав себя за „ходока из Перу“.

Деньги за джигитовку от генерала Павличенко мы получили полностью. Что же касается вопроса, что генерал Павличенко поссорился с Королевичем из за дела выреченных за джигитовку денег, то повторяем, что это гнусная ложь, ибо этому не было места, т. к. джигитовка дала большой моральный успех не дав материального и претендовать было не на что.

Отношения между генералом Павличенко и Королевичем обострились на почве увода генералом Павличенко казаков с концессии Королевича, неисполнившего уговорных обязательств и не организовавшего колонию, а так же ввиду неприемлемых климатических условий, выбранного им района и всевозможной клеветы на казаков.

Примите наш казачий поклон и пожелание всего лучшего, казаки-джигиты: п-жий Порфирий Синченко, ур. Илья Доков, ур. Прокофий Рыбалка, вахм. Никита Барилко, ст. ур. Ляпин, ур. Василий Агапов, каз. Дмитрий Бибр, каз. Федор Кадушкин, п-жий Игн. Петров.

Казачья колония в Обреноваце. Кубанский хутор. Во втором ряду посредине сидят: хуторской атаман вахм. Д. Бурло и писарь А. Периков.

Сведения из Перу.

Редакцией журнала „В. К.“ получены копии обширных информаций — донесений от группы ген. Павличенко, адресованных Войсковым Атаманам. Не имея возможности напечатать всю эту информацию, редакция передает краткое содержание этих донесений, т. е. то, что может представлять интерес для казачьей общности.

Из этих сообщений видно: 1) Что группа еще не осела на землю и продолжает находиться на иждивении правительства респ. Перу, получая на питание особую денежную ссуду. 2) За это время казаки хорошо организовались и объединились вокруг генер. Павличенко. 3) Выбор нового участка земли сделан. В выборе земли участвовали: представитель правительства, ген. Павличенко и выборные от казаков. Выбор пал на участок по течению той же р. Апуримака, размером около 140 тысяч гектаров, охватывающий район 5 рек — притоков Апуримака с обеих сторон. Земля этого участка будто-бы вполне годна к обработке, богата растительностью, нетронутой дичью и зверьями. Климат подходящий, местное население мирное и честное. Переход на этот участок и начало колонизационной работы начнется в ближайшем будущем по закреплению участка за казаками, что обещано. Материальная поддержка для приобретения инвентаря и питание до первого урожая обещаны. Окончательно устроиться пока мешает денежный кризис в Перу. 4) Русские инженеры — бр. Королевичи, обозленные неудачей в попытках закабаления казаков и пользуясь своими связями в „сферах“, сильно препятствуют благополучному устройству казаков, грозя подчас сорвать все дело. Благодаря их пропискам в данное время ген. Павличенко, будто-бы, не имеет возможности говорить о перевозке новых групп казаков. Дело доходит до того, что местные жители принуждены бывают противопоставить свою хорошую аттестацию казаков против аттестации Королевичей.

Таким образом мы должны отметить, что исторические „друзья и покровители“ казачества не оставляют без надлежащего попечения казаков и там — за тридцать земель, в тридцатом царстве, за морем, за океаном...

Ш. Н.

Письмо в редакцию.

Дорогой Станичник
Господин Редактор!

Покорнейше прошу, как истинного казака, стоящего на страже интересов родного нам Казачества, не отказать в напечатании нижеизлагаемого (дословно):

10 лет я, находясь в эмиграции, будучи абсолютно аполитичным, замкнувшись в самом себе, ждал возврата в дорогой мне Новочеркасск и Персияновку, да изредка, с меньшей болью в душе, следил за грызней наших верхушек, поистине погубивших нас...

Я презираю всеми фибрами души коммуны жидов, но... поверьте, не меньше противным и мерзким считаю эту игру в кумушки г. г. банкиров — Мельникова, Маркова и др., а уважаемого нашего атамана не узнаю „трясущимся“ из боязни, что его украдут большевики... До чего дожило Казачество? — их атаман может быть украденным, как вещь! Нет! перевелись настоящие атаманы на Дону, которых боялись, чтобы они кого не увезли или не увезли на стругах...

Передо мною журнал „Родимый Край“, № 4. И что же? Прочитав его, я сам не знаю, что это — насмешки? Издевательство? Да разве мы, измученные, бедные, больные, бездомные, мотающиеся по чужим странам в поисках куска хлеба, этого заслужили? Какой нам, голытьбе, интерес, что Мельников открывает банк, может для хранения Войсковых денег (ныне перешедших за давностью в собственность)? — тогда это дело другое. Какое нам дело какой журнал и на какие средства издается? Да, нам нужно то, что в журнале пишется...

Перестаньте, г. г. верхушки, думать что простые, не соборованные академическим и университетским елеем

казаки не умеют разбираться в журналах и их статьях. Мы давно уже, 10 лет с лишним, как перестали говорить: „чаво“, „отклича“, „ноня“ и т. д. Корову пишем без „ъ“. Пребывание наше в эмиграции в Европе и др. странах дало нам, б. „простачкам“, не меньше, чем Вам, соборованным только в другом духе. Только, очевидно, в вашей „высокой“ психологии станичнички остались серомахами. О, нет, ошибаетесь.

Разрешите доложить, что я сам до 1920 года в политике, да и вообще в нашей жизни, был буквально „Антоном“, а теперь смею Вас уверить в некоторых вопросах и Вам дам 25 очков. Вы скажете самоудачно... А я отвечу, что это факт и я его Вам докажу при первой встрече с Вами. И вот, извольте, „простачки-станчнички“, мы, не видевшие газет, не только не читавшие, да еще в таких станицах под боком Новочеркаска, как Грушевская, Кривянская, Заплавская, Мелиховская, Бесергневская, Раздорская и т. д. и т. п. мы, теперь великолепно разбираемся в журналах и даже в индивидуумах, вертящих до сего времени наши мозги. Будьте осторожны, серьезные и внимательны с Вашими журнальчиками, „средствами дохода белоручек“. Подальше держитесь от сказок, сплетен и дрязи. Будьте выше всего этого и Вам не будут страшны „враги“ Ваши. Не то, откровенно говоря, как мы Вас ни терпим, как ни любим и уважаем, но за дурачка-валюние и взбалтывание наших мозгов, мы повторим слова Тараса Бульбы только не ге, что на обложке „Родимого Края“ № 4...

Дальше: На кой — дьявол нужно нам собирать 500.000 франков, объявленные наградой тому, кто обнаружит ген. Кутелова! Нужно оборвать и „казачков“ через их атамана, а последнему, мол, если и откажут, то не все, просто из уважения к нему дадут.

Так делать нельзя! Преступно!

Также и г. Мельников. Он вправе открывать банки, это его частное дело... Вы имеете право все делать, — но... Вы не имеете абсолютно никакого права выпускать книги о казачьей колонизации на Апуримаке. Я знаю, что это новая статья дохода, Вы удачно нашли нов. способ интриговать „казачков“, мол, интересуются все — разберут, а мы подработаем... Но я Вас опережу: я кричу на весь мир, что все, что вложено в этой 15 главе или графе (чорт ее возьми) все это гнуснейшая ложь, что на самом деле Перу — наша кабала, куда нас продали, а Апуримак наше братское, казачье кладбище. Если бы Вы нас сейчас увидели, Вы бы в ужас пришли, если еще осталась в Вас жалость и сострадание. Я, единственный, да ген. Павличенко, имеем случайную возможность написать Вам об этом, а там, где другие, Вас не хватило бы на неделю, они лежат поголовно, о чем уже я писал, и повторять не буду, ибо это Вас, да Вас всех, мало трогает, что видно из Вашей пассивности и абсолютного безразличия к нам, гибнущей кучке казаков. Кто в Европе еще заговорит о прелестях жизни на Апуримаке и поселения на нем, тот будет проклят нами... Поймите-же наконец, что такое Апуримак?.. Не тратьте деньги на то, чего вы не знаете, а направьте их на наше спасение из этого ада, или считайте погибшими.

Негодяи Королевичи сумели нас продать, как скот из под самого носа наших атаманов и „Правительств“. Сумейте-ка теперь выручить нас — выкупить рабов-казачков, голодных, больных... Спасайте 100 жизней еще молодых казаков, ожидающих гибели со дня на день, ибо в конце мая с. г. уже прочитан нам, тоном недопускающим возражения, приказ прав-ства Перу — говорящий: генерал — не генерал, казаки с этого дня — не казаки, все как и все колонисты... Отобрано в се оружие и приказано не разговаривать.

Вот теперь и шевельните „казачьими“ мозгами, время-ли заниматься тем, чем Вы занимаетесь, или пора спасать кровных братьев, пока их не превратили в требуху... А то Вы на панихидах потом будете собирать на погребение памятника разведческой казачьей сотне и ее офицерам, безвременно погибших по близорукости и слепоте своих вождей...

Правда, есть над чем задуматься!

Да, нужно Вам братья всем там за дело, ибо каждый день опоздания приближает нас, или к ярму, или к бесславной смерти рабов.

Писарь Амур. станицы Д. Ветров.

Р. С. Пусть все меня извинят, кому покажется резким мое письмо. Журналистом никогда не был, а просто вылил все, что на душе наболело...

Д. В.

Казачи в Габрове.

В 1929 г., 25 августа, в г. Габрове, в скромном помещении собрались казаки. Хотя в этом городе и мало казаков, всего около 30 человек, но у всех было большое желание организовать свою станицу. На этом сборе казаки положили начало Габровской станице, избрав атамана, помощника, казначея и ревизионную комиссию.

С этого времени стали происходить собрания Габровской станицы на которых устраивались собеседования и на которых казаки имели возможность вспомнить наши родные хутора и станицы.

Восемь месяцев спустя, станица устроила свою первую вечеринку (на второй день Св. Пасхи). На улицах были расклеены афиши, оповещающие о казачьем вечере. Толпы болгар останавливались перед ними, недоумевая откуда в Габрове появились казаки, так как

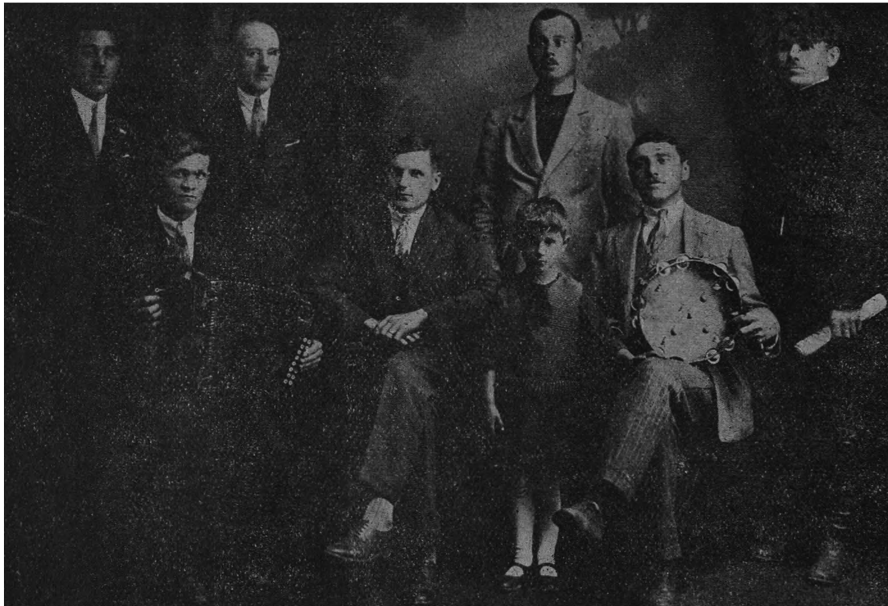
до сего времени они знали только существующий русский дом.

Наступил вечер. К десяти часам толпы болгар начали заполнять зал настолько, что даже многим не хватило места. Заиграла музыка, настроение у казаков приподнялось. Первое выступление жены атамана, кавказской казачки, которая лихо танцевала лезгинку, произвело большое впечатление на публику. Ее три раза шумно вызывали на бис. Вечер продолжался до четырех часов утра. Этот первый казачий вечер произвел исключительно хорошее впечатление на гостей болгар. После окончания вечера атаман благодарил всех казаков и казачек за усердную работу по устройству вечера. Казаки в свою очередь сердечно благодарили атамана за его энергичную работу, так как он больше всех трудился в деле устройства вечера и труд его не пропал даром. Казаки высказывали пожелание, чтобы Габровская станица в будущем также дружно работала как и в этот раз.

В день праздника Св. Кирилла и Мефодия, собравшаяся группа казаков Габровской станицы сфотографировалась, чтобы оставить для будущего память о том, как жила казачья эмиграция за границей.

Умерли старые вольные казаки, но родились, выросли и стали на их места новые. Они открытыми глазами будут смотреть в лицо смерти и положат голову свою за свободу Казачества, чтобы мы, наши дети и внуки жили вольными казаками.

Н. Пискунов.

Группа казаков Габровской станицы.

Открытое письмо Редактору „В. К.“

М. Г.

Господин Редактор!

Позвольте через посредство Вашего журнала „В. К.“ выразить искреннюю благодарность издательству календаря-альманаха „Вольного Казачества“ на 1930 г., а также и тем сотрудникам, которые своими трудами обогатили изданный календарь.

Календарь „Вольного Казачества“ православный с новым и старым стилем; одновременно цитируются в хронологическом порядке важнейшие исторические события Казачества и его прошлое. Это настоящий календарь Казачества, который точно восстанавливает в памяти казака его прошлое, его Великих и Малых мучеников и подвижников, принявших смерть за Идеалы Казачества и его Вольности, но были лишены права быть святыми только потому, что церковь исполняла распоряжения не казачьего правительства и этих вели-

чайших мучеников, подвижников и праведников предавали проклятию-анафеме.

Считаю своим долгом напомнить, что издательство в календаре допустило упущение, не указав даты, кого и когда церковь проклинала.

Теперь, когда православная зарубежная церковь и монархические группы пытаются быв. царя Николая II и его семью возвести в святых мучеников, нам казакам так же необходимо подумать о своих Святых Мучениках и Подвижниках, положивших свою жизнь за Идеалы Казачества и его Вольности.

Я глубоко верю, что издательство „Вольного Казачества“, издавая календарь на 1931 год, этот пробел заполнит и казачий календарь выйдет полным, с указанием Великомучеников и Мучеников за Волю и Вольности Казачи.

Многие труды обогатили календарь своими очерками исторического, экономического, политическо-бытового и статистического характера о положении Ка-

зачества, чего в других изданиях — календарях нет. Таким образом это издание является не только календарем Казачества, а ценнейшей книгой для казака, как руководство и как справочник о Казачьих исторических моментах в его вековом строительстве и борьбе за свою независимость и Вольность.

Казачество много веков пользовалось календарями не казачьими, в которых отсутствовали истинно казачьи Идеи и Казачий Идеал.

Казаки Д. Востока увлекаются чтением календаря-альманаха и приносят искреннюю благодарность издательству и Редактору И. А. Билому за труды и верят, что издательство не оставит Казачество без календаря и на 1931 год.

С искренним уважением к Вам пребываю

П. Ковган.

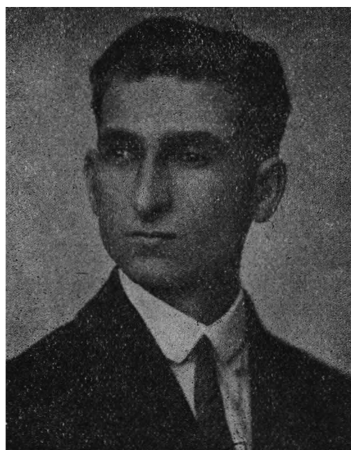
1-VII 1930 г. Д. Восток, гор. Харбин.

Культурні козачі сили.

В червні місяці Празьку Політехніку, по інженерно-технологічному відділу скінчив наш свивробітник, тепер інженер-технолог Які в Рудик.

Я. К. Рудик — козак ст. Гривенської (на Кубані), народ. 7-X-1900 р. Батьки його — звичайні козаки-рибаки, що рибалили десь побіля Очуева. Там і виріс Рудик. Учився він в технічні школі в ст. Новоцербинівській. В 1919 р. був мобілізований; служив в Кубанському кулеметному батальйоні. Після катастрофи на Чорноморському побережжю, утік на хутір, під ст. Гривенською, відкіля, після десанту на Кубань з Крима, попав в Крим. Далі: Лемнос, Болгарія і (з 1923 р.) Прага.

Вітаємо нового козака інженера і бажаємо йому послужити — широко і по правді — і Козацтву і Козакії.

Я. К. Рудик.

Всеславянський сокольський слет в Белграді.

С 1-го по 30 июня в Белграде происходил грандиозный слет славянских соколов.

Стройные, многочисленные ряды тысяч и тысяч мо-

лодых соколов и соколиц, подчиненных единой дисциплине и порядку, своими шествиями, неуступающими порядку любой армии, а также эффектными, красивыми номерами своих упражнений на стадионе, невольно вызвали восторг у зрителей.

В слете принимал участие и Донской кадетский корпус, с успехом состязавшийся в чистоте номеров с другими соколами. Но особенный восторг и гордость у казаков вызвал взвод донцов, маршировавших в полной Донской нац. форме. „Живи казакам-казакам“ — долго гремело вслед им. Югославянскому народу казачье спасибо за сердечное приветствие.

Г. Алферов.

Соколл Донского корпуса в Белграде. 1930 г.

Надо помочь!

Бесконечно тяжела доля казака-эмигранта. Тяжело здоровому, могущему заработать себе кусок хлеба, но как тяжело должно быть казакам инвалидам на чужой стороне!

Вот уж тринадцать таких инвалидов (6 донцов, 5 кубанцев и 2 уральца) заброшены где то в Болгарии и думают, что они забыты уже всеми. Жутко это.

Братья, казаки! Поможем им хоть немного. Поможем, кто чем может. И если у кого из нас будет лишний франк или динар, корона или золотый — пошлем им.

Адрес их такой: Grigorij Kucharenko cosaques des invalides, Leskovetz, Bulgarie.

В Казачьих Землях.

Золото в цветах, неучтенное пятилеткой.

(Пчеловодство Кубани за 30 лет: 1898—1928 г.).

„Нет большей неправды на свете, чем правда советская“.
„В. К.“ № 57, 10/V 1930 г.

„Карл Маркс, пишет Шпенглер, весьма силен в критике существующего, но он поверхностен и крайне беспомощен как творец“. Верные его последователи большевики в течение свыше 12 лет бьются над пробле-

мой создать что либо похожее на „ненавистный западный капитализм“.

Не отступая от „ортодоксального учения К. Маркса (ведь не даром его отец и дед были еврейскими раввинами), коммунисты пытаются перестроить всю экономическую жизнь страны „по марксовской указке“... В промышленности кое где у большевиков есть некоторые успехи, но что же касается сельского хозяйства, то здесь им пришлось сдать даже „без тормазов“ весь марксизм — на свалку. Сами большевики пишут, что

экспорт с С. Кавказа сильно отстал и отстает от довоенного. В статье „Изыскание новых объектов экспорта с С. Кавказа“, из доклада Крайторга выяснилось, что в 1913 г. вывоз за границу товаров второстепенного значения выражался в 40 мил. рублей, а в 1924/25 гг. наш Край экспортировал этих товаров всего лишь на 2 м. руб., а в 1928—1930 гг. на 10 м. руб. Таким образом, нынешний экспорт достигает едва $\frac{1}{4}$ довоенного...

Как причины малоуспешности экспорта Казачьих Земель, коммунисты называют „отсутствие стандарта экспортных товаров, неряшливость и непрочность упаковки, конкуренцию между отдельными Госторгами, а также отсутствие узвязки между торгпредствами и местными заготовительными организациями“. Только ни слова не говорится о том, как население Казачьих Земель нуждается в „увозимых“ от него продуктах. В результате большевицкого хозяйничанья, жители принуждены отказывать себе во всем необходимом и даже голодать... На Кубани введены карточки на продовольствие, мануфактуру, обувь... В этом нет ничего удивительного для большевицкой политики, так как она все свои усилия направляет, главным образом, на распределение материальных благ, а не на их создание..

Говорят, что ложь московских коммунистов в национальном вопросе никого уже больше не обманывает. Но некоторые еще немного верят в головокружительные успехи большевиков по целому ряду отраслей промышленности и с. хозяйства. Что это не совсем так, даже по большевицким источникам, видно хотя бы и из того, какое количество второстепенных товаров, в частности меда и воска, вывозится с Кубани. В бюджете Кубани продукты пчеловодства играют мало заметную, ничтожную роль и даже во многих сборниках и отчетах о Кубани не упоминается вовсе. А еще так, сравнительно, недавно, Кубань славилась своим медом и составляла на рынки $\frac{1}{6}$ всей продукции б. России.

Плодородная почва Кубани с мягким климатом, обилием атмосферных осадков и ряда других условий, благотворно влияющих на развитие сельского хозяйства, представляла и представляет исключительно благоприятные условия и для процветания пчеловодства. В силу ряда особенностей этого большого, раньше привольного Края, здесь выработались и совершенно своеобразные методы пчеловодства, каких не было в б. Российской империи и нет сейчас в СССР... У нас, на Кубани, при работе с нашей пчелой (т. н. „кавказской породы“) по совершенно иным путям идет разрешение проблемы о „лучшем улье“. Зачастую весьма своеобразен наш инвентарь и оборудование пасек; приходилось ездить со своими пасеками за сотни верст, перевозить пчел на лошадах, водой и по железной дороге. У нас вводится и прививается особый вид пчеловодного хозяйства, весьма отличающегося от русского, и много еще другого характерного для Кубанского пчеловодства, почему и считают его настолько своеобразным не похожим на пчеловодство СССР, что оно должно быть принято за особый тип — „Кубанский тип“ ведения пчеловодного хозяйства с его характерными признаками: кавказской пчелой, кочевым и пчелопольным хозяйством.

Эти „тройные“ признаки позволяют повысить доходность наших пасек, в сравнении с русскими, почти в 2 раза! Отсюда понятно, почему Кубань прославленная своей пшеницей-кубанкой, подсолнухом, табаком, рыбой, в то же время богата медом и воском. Издавна Куб. Край называют „медовой Калифорнией“ и она по развитию пчеловодства занимала первое место в б. Российской империи.

В древности наши Земли славились обилием меда и воска. Впервые упоминается о довольно развитой торговле воском и медом еще в эпоху Тмутараканского княжества. Сохранилась старинная былина из эпохи этого княжества, из которой видно развитие пчеловодства и как высоко тогда — стояло на наших землях позабытое медоварение:

„Меды вишневые, и меды стоялые;

Как чару пьешь — другой хочется,

Другую пьешь — по третьей душа горит“.

В позднейшую эпоху (1750—1762 г.) довольно подробно описывает торговлю медом и воском француз

М. Пейсонель. О торговле наших Земель продуктами пчеловодства (торговый путь — р. Кубань—Черное море — Дунай) пишет также и венгерский писатель Текели в своих исследованиях о внешней торговле Венгрии.

Что же касается состояния нашего пчеловодства в конце 19 стол., то из некоторых статистических цифр видно его непрерывное развитие. На территории Кубани в 1890 г. находилось 250 т. ульев, в 1893 г. — 273 т. у.; в 1895 г. — 293 т. у.; 1896 г. — 297 т. у. и в 1900 г. — 300 т. ульев. Начиная с XX столетия пчеловодство развивается „поистине головокружительным темпом“ и в 1904 г. достигает 628 т. ульев различных систем!

Видную роль в деле развития пчеловодства Кубани сыграл первый съезд кубанских пчеловодов в ее столице — Екатеринодаре в 1898 г. На фотографии этого съезда (он происходил в городском саду, в летнем помещении 2-го общественного собрания) видны ряды известных пчеловодов: Калайтана, Живило, Шкиля, Борчевского, куб. агронома Атанасевича и других. После пчеловодного съезда, пасечничество стало развиваться в сторону увеличения продуктов пчеловодства и уменьшения общего количества ульев чуть ли не в два раза!

В 1902—5 г. было собрано на Кубани 79·2 т. пудов меда и 7·6 т. п. воска; в 1906—10 г. — 89·1 т. п. меда и 9·1 т. п. воска; и в 1911—15 г. — 160·1 т. пуд. меда и 12·1 т. пуд. воска.

Общее количество всех ульев, как рамочных, так „сапеток“ и „дуплянок“ в годы 1910—1915 не превышало 350 тысяч ульев, и было значительно меньше количества ульев 1904 г., но за то своим сбором меда и воска больше чем в $1\frac{1}{2}$ раза превосходило „пчелиный взятки“ — 1904 г.

Это на первый взгляд весьма странное явление для лиц мало знакомых с историей нашего пчеловодства, объясняется переходом целого ряда пасечников к рациональному, промышленному пчеловодству (Влияние 1-го Кубанского съезда пч.). „Модерное“ пчеловодство не мыслимо без травосеяния, искусственного роения, центробежек, воскотопок, что, конечно, не замедлило появиться у нас на Кубани. В эту эпоху подъема и развития пчеловодства Кубани была даже составлена в „Линейских“ отделах песенка-частушка специально посвященная нашим успехам пчеловодства:

На Кубани много меда —

В бочки льют его как воду,

И за сладкое добро

Загрывают серебро.

Если мы сравним количество ульев наших пасек с иностранными, то увидим, что Кубанский край по развитию своего пчеловодства превосходит целый ряд государств: Болгарию (в 1899 г. — 251 т. ульев); Чехию (в 1900 г. — 200 т. у., занимающей в Европе 4 место), Сербию и Румынию... До оккупации Казачьих Земель красной Москвой Кубанское пчеловодство играло весьма крупную роль в бюджете Кубани и составляло на внешние и внутренние рынки $\frac{1}{6}$ всей продукции меда и воска целой б. России!

За годы войны Казачества с большевиками (1918—20 г.) наше пчеловодство сильно пострадало. В голодном 1921 г., когда в СССР гибли пчелы целых районов, Кубанское пчеловодство, в некоторых отделах, сократилось на 50-75%; однако, достаточно было удачного лета 1922 г., чтобы пчеловодство оправилось.

Годы „НЭП“ по существу мало принесли пользы пчеловодству Кубани: в газете советской Кубани — „Красное знамя“ от 11/III 1926 г. коммунист Черный пишет следующее: „Будучи уже советской, Кубань долгое время была как бы осажденной крепостью, со всех сторон обложенной неприятелем“. Само собой разумеется, ее несчастным обитателям было не до пчеловодства...

Начиная с 1927 г. кубанское пчеловодство переживает опять длительный кризис. Наблюдается сильное падение цен на воск, а мед по своей цене стоит дешевле сахара. В виду значительного обеднения Казачьих Земель, и вследствие этого падения покупательной способности у населения наблюдается и неслыханное раньше явление на Кубани — обилие дешевого, ни кому не нужного меда!

Местными заправилами оккупированной Кубани, или

Первый съезд пчеловодов в Екатеринодаре в 1898 году: 1. С. И. Борчевский (сотрудник журн. „Куб. Пчеловодство“); 2. К. Т. Живило (б. дир. К.-Ч. ж. дороги); 6. Г. М. Шкиль; 8. С. И. Калантан.

по выражению самих коммунистов, — осажденной крепости, для разрешения этого тяжелого экономического кризиса предложены ряд мер: 1) Сбывать мед в порты Б. Востока (в добольшевическое время многие крупные пчеловоды Кубани имели покупателей из Афин, Царьграда и большая часть сотового („стельники“) меда отправлялась туда). 2) Наладить переработку меда в напитки. 3) Открыть пчеловодам кредит под залог продуктов пчеловодства и самих пасек. 4) Разрешить беспрепятственно продажу воска для нужд культа (т. е. церкви) без ограничения количества. 5) Организовать продажу меда в специальных киосках: сбывать по дешевой (!) цене изделия из меда — маковки, пряники; производить в качестве бесплатного приложения, к продаваемому меду раздачу брошюр, листовок о пользе меда. „Без этих мер мы захлебнемся в своем же продукте, говорит Григорович в книжке „К вопросу о сбыте меда на Кубани“, и в конце концов сведем (если уже не свели, О. Б.) пчеловодный промысел к категории любительского занятия, а с этим утеряем важное бюджетное значение пчеловодства в экономике Края“. Что получится из этих мер в условиях коммунистического режима, покажет ближайшее будущее...

Как бы противопоставляя современному неумелому хозяйничанию коммунистов в ими оккупированной Кубани, известный американский проф. Д. Кеннан пишет № 2 — 30 г. „Co-operation“ о перспективах развития пчеловодства в „N. Kaukause“ следующее: „Русское правительство, издав пятилетку, не учло одного весьма важного источника народного богатства: на добычу золота, на приобретение валюты государства обычно затрачивают колоссальную энергию и громадные ценности. В связи с этим невольно возникает вопрос, а нет ли, кроме уже существующих — золото-промышленности и экспортных возможностей, таких источников, которые, не требуя особых затрат, могли бы занять в кругообороте с. хозяйства одно из почетных мест. Поставив этот вопрос, можно определенно ответить, что одним из таких источников, безусловно может стать пчеловодство. В настоящее время в СССР продукты пчеловодства товар — второ и третьестепенного значения, и во многих сборниках и справочниках о них даже совсем не упоминают, относя к графе „прочие“. Говорить же о том, что пчелиная населенность пространств СССР хотя мало мальски достигла нормы, не приходится. В одном лишь С. Кавказском Крае пчеловодство, благодаря исключительно благоприятным почвенным и климатическим условиям, может быть доведено до 10 мил. рамочных ульев! Если считать по 16 кл. с улья меда, то общий сбор может выражаться в 160 тон, по 1.250 руб. за тону на 200 м. р., и воска до 4.100 тон по 2.450 руб. за т. — 10 мил. р., а всего на 210 мил. рублей. С точки зрения экономики подобное развитие пчеловодства, как отрасли с. хо-

зяйства, более выгодной чем даже золотопромышленность, не только желательно, но и необходимо. Тем более, что цветочный нектар, будучи ныне не использованным, пропадает совершенно, навсегда, и, таким образом, невесомые драгоценности, пока они остаются в нектарниках цветов, бесполезно, безрассудно ускользают из государственных наростаний“...

Далее Д. Кеннан описывает как ведется пчеловодство в С. Кавказском Крае, при большевиках (Д. Кеннан прожил в СССР весь 29 год и несколько раз бывал на Кубани, тщательно запоминая все виденное и слышенное).

На Кубани Д. Кеннана поразили больше всего, как специалиста-пчеловода, большевические методы взимания налогов с пчеловодов. Согласно распоряжению большевиков, налог взимается начиная с 30 дуплянок или 12 рамочных ульев; но так как платится по 5 руб. налога, независимо от сбора меда, то большинство пасечников вернулось к старине — безрамочным ульям, дабы могло иметь 30 необложенных налогом дуплянок. Метод взимания налога — декларативный, т. е. каждый пасечник, имеющий свыше 30 дуплянок или 12 р. ульев обязан заранее объявить в исполком о количестве его ульев. Впоследствии, количество ульев, до нового года, увеличивать под страхом ответственности, нельзя! Во время роения пасечники, дабы не попасть в контрреволюционеры, принуждены свое богатство — рой уничтожать. Достаточно посадить вылетевшие рои в улей, как благодаря доносам, дело о злостном укрывательстве имущества готово, а там уже если обвиняемый казак, — то показательный процесс „над кулаком“ и, высшей меры наказания расстрела, удастся избежать чудом...

Д. Кеннан удивляется долготерпению народа и заканчивает свою статью словами: „В Америке каторжный режим маньяков не продержался бы и 1 часа, так пожелаем же скорейшего освобождения народов из русского сумасшедшего дома“.

О. Батулин.

Письма в редакцию.

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

На днях мною получено весьма печальное письмо с родины, в котором брат полностью подтвердил те сведения, о которых в последнее время, так много говорилось в эмигрантских и иностранных газетах. Не могу умолчать об этом печальном факте: о зверствах московских хозяев, насильственно завладевших Казачьими Землями. Мне бы хотелось, чтобы наши станичники, читая это письмо на страницах журнала „В. К.“, еще точнее могли представить ужасную картину советского

„рая“ и все „прелести“, переживаемые нашими несчастными отцами.

„Месяца апреля, 20 дня.

Здравствуй дорогой куманек А. А. За долгое наше с тобой молчание спешу сообщить тебе, что я пока жив и здоров, чего и тебе желаю. Дорогой куманек А. А., новостей у нас нет интересных. Только что интересно для вас и для нас — посев проводим коллективным порядком, но работа не очень успешная в виду того, что не очень организованы; но все таки посеяли... Новости для вас очень большие: родителей наших выгнали из хаты; выдвинули в кулацкие хозяйства; все у них отчуждено, как-то: дом, скот, инвентарь, вообще ничего у них собственного нет, даже нет и куренка.

Затем дорогой кум А. А., еще выгнали: Филата Т., Петра Егоровича Е., Ивана М. всех четыре двора, Обухова Н. Кроме писать нечего“...

(Слово кум надо читать — брат, так как это пишет мой родной брат).

Станичники! можно ли равнодушно читать о подобных фактах? Разве это не жаль и не обидно? За что же, собственно, они подвергаются таким жестоким наказаниям? Разве теперь нам не понятно, что под предлогом „кулак“ Московские оккупанты уничтожают Казачество? Разве в действительности наши отцы могли быть кулаками, тем более при существующем советском режиме? В коротких словах, я коснусь немного жизни своего отца, мне хочется хотя этим скромным письмом стать в защиту несчастного старика. Пусть, читая эти строки, не только наша казачья эмиграция, даже иностранные приютившие нас народы, убедятся в несправедливостях российских коммунистов, обещавших всему миру земной рай.

Мой отец походил когда-то из богатой и довольно большой семьи, состоящей из отца, матери, пяти сыновей, из коих было 4 женатых, и трех дочерей.

При жизни своей дед в строгой, отцовской дисциплине держал своих сыновей. Еще довольно крепким, дед умер. Хозяйством стала управлять вдова бабка. Порядок несколько изменился. Начались семейные ссоры. Наконец братья, посоветовавшись между собою, решили просить мать о их разделе...

Взяв жену, двух детей на руки, и двух за руку, перебрался мой отец на временное жительство к соседу. Поместившись в полуразвалившейся землянке, оставив семью, удалился на целое лето на заработки. По окончании хлебной уборки он возвращается на приобретенной уже собственной лошададке с полной фуры пшеницы. В течение месяца мы сидели в собственной землянке. Зимой отец занимался починкою веялок, зарабатывая пропитание семье. На следующее лето снова он удалился на работу. В течение пяти лет отец сумел, благодаря неустанной физической работе, построить себе уже деревянный домик и купил ветряную мельницу, заплатив 500 рублей. В этом деревянном домике мы прожили до 1913 года.

Несмотря на то, что число семьи увеличилось, в конце 1913 года отец построил настоящий казачий дом (круглый, покрытый камышем). Великая война 1914 г. отнимает у него главный источник — это нас трех сыновей, вместе с тем три коня, седла и прочее.

Возвратившись с войны мы нашли свое хозяйство не опущенным, а увеличенным. По возвращении нас с фронта, откупил ранее проданное спиртовое недвижимое имущество и поместил в нем старшего из нас. Мне, как второму после старшего, отец сказал: „Живите вместе, наживайте, построим еще один дом, тогда разделю вас“. Но и на эту последнюю постройку отец не дождался нашей помощи, началась большевицкая война, а по окончании последней, к сожалению, мы не все вернулись домой. Два моих брата после Новороссийской катастрофы попали в полевой Советский госпиталь и по окончании войны вернулись домой.

В 1924 г., несмотря на всякого рода притеснения со стороны соввласти, отец однако решил осуществить заветные мечты, построил еще один такой же величинный дом между своим и домом старшего моего брата. Вероятно он не терял надежды на скорое возвращение из эмиграции, а следовательно и меня. Из оставшегося

материала он построил еще один маленький домик, для учащихся в школах детей и самому ему хотелось дожить остаток лет спокойно близ церкви. Но, увы! доживать остаток лет ему приходится в чужом доме.

Отчаиваться не приходится, ибо мой отец уже кончил 7-й десяток и в скором будущем уйдет из жизни, но он до конца остался верным долгу Казачества. Он пожертвовал всем, потом и кровью нажитым достоянием. Это наглядный пример.

Как и видно, мой отец всю свою жизнь посвятил, работая непокладая рук, на то только, чтобы его детей не постигла та горькая участь, которой он прожил с тех пор, как начал самостоятельную жизнь. Только честным трудом он пробивал себе дорогу. За это был теперь так жестоко наказан.

Кто же его наказал? Не верные ли сыны матушки России? Удивляться этому не следует, ибо мы знаем, читая историю, как награждала Россия казаков за верность служения, а в период последней войны мы сами видели, каким богатым подарком дарила нас Россия, как со стороны красных, так и белых.

Красные разорили и разоряют наши станицы и хутора, грабили нами нажитое, а белые использовав всю живую казачью силу, провозглашали себя повелителями всей России.

Для того, чтобы не повторить прошлых ошибок, я считаю самый подходящий момент раз навсегда рассчитать с Россией, т. е. пожелать ей счастливого успеха, в деле освобождения родины, а самим нам поспешить к освобождению вольных степей. Если у некоторых из нас являются сомнения в успехе Вольно-Казачьего движения и что без России Казачество не может существовать, люди эти глубоко ошибаются, так как это всецело зависит от нас же самих, ибо успех и сила в единении. Это отверждают даже сами „единонеделимцы“. Если кому-либо из станичников пришлось прочитать журнал „Часовой“ Б. Р. П., там он мог видеть „Путь к объединению“, в котором автор Ген. Позднышев говорит ясно: „Каждая казачья область равняется любому из малых государств Европы, а пространство, занимаемое Доном, Кубанью и Тереким, превосходит целое государство Францию“. Отсюда вывод: если казачья область равняется малому государству Европы, следовательно нет сомнений, что она и не беднее. Если каждое малое государство сумело завоевать себе независимость, умеет существовать, процветая, без своих прежних хозяев: России, Германии и Австрии, почему же не могут сделать этого и казаки?

Будучи в России, чешским легионам приходилось пробиваться через тысячи преград, но когда они были слиты в одну тесную семью, они победили преграды. Наши братья, там на родине, скованные по рукам железными цепями, при всем желании не могут настолько объединиться, чтобы дать отпор, а мы? Мы же свободны! Но мы тоже не можем дать отпор, ибо мы между собою не имеем тесной братской связи, не имеем общего языка. На нашу казачью интеллигенцию возлагается обязанность как можно ближе подойти к рядовой казачьей массе, ибо сила прежде всего не в политических „сферах“ и ее дельцах, а в толще народа. Долг же рядовой массы не сидеть сложа руки, не верить слепо и не ожидать когда нас позовет кто бы он ни был.

Как бы мы не были разбросаны мы должны собираться малыми группами и пополнять казачьи ряды. Мы научены горьким опытом прошлого, должны обойти старые пути, мы должны избрать себе новый и самый верный путь, избрать авторитетных руководителей, стать под общее казачье знамя и показать своим союзникам и врагам, что казаки сильны, и что в каждый нужный момент они готовы перейти от станков к оружию.

И нам нужно спешить.

А. Солдатов (Польша).

2-6-30 года.

Многоуважаемый Г-н Редактор.

Читая статью г-на Н.-Левецкого в № 57 „В. К“, я невольно заплакал, ибо так ярко мне напомнило ужасное положение и моих родных на родине. Посы-

лаю Вам при сем письмо, полученное мною от моей семьи, где казаки увидят, что делают там с казаками. Пусть читают и слышат стоны с Тихого Дона.

А. Кирьянов.

Письмо с Дона:

Здравствуйте многоуважаемые и горячо любящие наши дорогие дети Алексей Петрович, а равно и Елена Максимовна. Настоящим письмом спешим уведомить вас о своем здравии и не совсем благоприятных обстоятельствах нашей семейной жизни. Дорогие мои чада, мы погневил нашего Творца Всемогущего Бога и он карает нас. Забрано у нас все достояние: взяли последнюю лошаденку и коровенку, но это все найтвое нами — поболим душой да поплачем, но потом и позабудем. Но самый главный гнев Божий и незабвенный — взяли нашего Петю. Арестовали и угнали в Сальский округ и до сегодня нет никакого известия, жив ли он или уже нет. Нету письма. Ездили наши кой кто к своим, но не видели, потому что масса сидит в клубах и подвалах. Так вот дорогие наши дети Алеша и Лена, я пока, ваша мама, жива, хотя здоровье мое уже стало покидать меня, но все таки хотя

плохое здоровье, но лучше хорошей смерти. Об отце сами не знаем, жив он здоров, или нет. Пока чувствую себя живой, посылаю вам мое материнское мир и благословение, и родительский привет...

Новостей у нас много, но все не опишешь и не передашь. Затем до свидания...

При письме маленький клочек бумаги и записка:

Здравствуйте, дорогой братец и дорогая сестрица. Письмо мы ваше получили и видим, что вы живы и здоровы. Вы пишете, что у вас время проходит хорошо, но у нас проходит плохо, потому что обобрали нас с ног до головы. Забрали последнюю корову и лошадь и в доме, что было, взяли, — два сундука, и две койки, и шкаф, и перину, и три подушки, взяли сани, теперь у нас ничего нету — ни дома, ни худобы. Что забрали, это еще бы ничего, но когда взяли папу, то тогда стало до того тошно, до того горько, что не приходи бы и домой, — все пусто, пусто в доме, пусто на дворе, все разгромлено... У людей хотя отцов забрали, то у них есть братья, а у нас ни братьев, ни папы нету, и мама старая и не знает, что делать. До свидания и шлю вам горячий привет... Сестра В.

По белу свету.

1/VII войсками Антанты освобождена последняя немецкая Рейнская область, бывшая до сего времени согласно Версальскому договору под оккупацией. Таким образом, на территории Германии в настоящее время не осталось уже ни одного иностранного союзного солдата.

— За последнее время участились случаи перехода многих чиновников и приверженцев СССР на положение эмигрантов. Новое это явление советской жизни носит название „невозвращенства“ и состоит, главным образом, в переходе в „третью эмиграцию“ лиц занимавших политические и административные должности за границей и отказавшихся возвратиться в СССР по вызову Москвы. Общее число „невозвращенцев“, последовавших примеру Беседовского, достигает уже 300, в числе их видные представители советского полпрества, торгпредства и бывшие чекисты — Боговут, Крюков-Ангорский, Куларов, Агабеков (чекист) и мног. другие.

— В Соединенных Штатах Северной Америки выработан закон о новом таможенном тарифе, согласно которому воспрещается ввоз в Америку иностранных говаров, изготовленных рабским или принудительным трудом. Хотя упомянутый закон вступает в силу лишь с 1932 года, но на этой почве уже и сейчас между Америкой, страной свободного труда и СССР, эксплуатирующего труд рабочих и крестьян, возникло уже серьезное недоразумение. Американская таможня в Провидансе задержала большую партию леса из СССР, так как есть подозрение, что экспортируемый советами лес изготовлен принудительным трудом ссыльных земледельцев, сопротивляющихся советской власти и коллективизации.

— В Египте вспыхнула националистическая борьба, направленная против владычества англичан. В Александрии устроили националисты крупную уличную демонстрацию, закончившуюся кровавыми эксцессами. Для восстановления порядка вызваны были войска. В Александрии объявлено осадное положение. Все усиливающееся напряжение в Египте грозит гражданской войной.

— Революционное движение в Индии против Англии постепенно утихает. Неофициальные переговоры между правительством Магдональда и уполномоченными Ганди

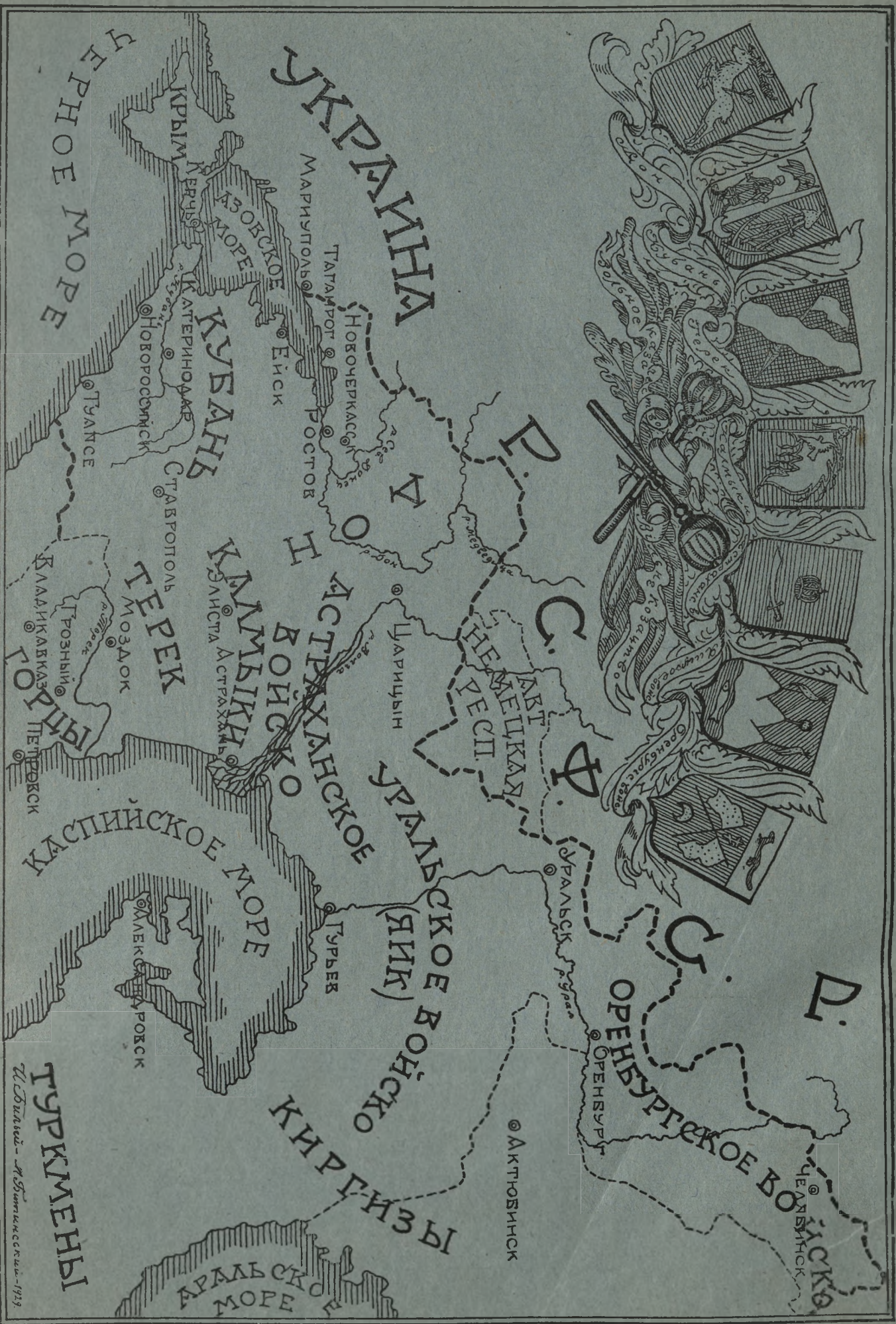
в последнее время привели к удовлетворительным результатам. В ответ на официальную сдачу Ганди ожидается декрет об амнистии и приглашение Ганди на лондонскую конференцию.

— После отклонения большинством голосов германского Рейхстага правительственных финансовых предложений, декретом президента республики Рейхстаг распущен и назначены новые выборы.

— В Америке усиливается движение против коммунистов. Парламентская комиссия, избранная для расследования коммунистической пропаганды в Соед Штатах, приступила к специальным работам. В Америке начата уже кампания, имеющая целью создание общегосударственной полиции специально для борьбы с коммунистическим движением.

Список книг, газет и журналов, поступивших в редакцию „В. К.“ в июне и июле с. г.

Пр. Дм. Дорошенко. История Украины 1917—1923 г. том II.
„Горцы Кавказа“ № 16.
L' Union des Églises du Point de vue Catholique.
„Тризуб“ № 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28.
Т. Якимчук. Відблиски зловісного травня 1926 р.
Slovauský přehled № 5.
„Жіноча доля“ № 21, 22, 23, 24, 25, 26.
„Русская газета“ № 149, 150, 151.
„Promethee“ № 42, 43, 44.
„La Macedonie“ № 142, 143, 144, 145, 146.
„Розбудова нації“ № 5, 6.
Студенський вісник № 11, 12.
„Соціал-демократ“ № 6.
„Табор“ № 13.
„Січ“ № 10, 11, 12, 13.
„Центральная Европа“ № 6.
„Родимый Край“ № 5, 6.
„Вперед“ № 11, 12, 13, 14.
„Український хлібороб“ № 16, 17, 18, 19—23.
„Время“ № 225.
„Кавказский казак“ № 7.
„France-Orient“ № 71.

ЧЕРНОЕ МОРЕ

УКРАИНА

КУБАНЫ

ТЕРЕК

АСТРАХАНСКОЕ ВОЙСКО

КАЗАНСКОЕ ВОЙСКО (ЯИК)

ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЙСКО

ТУРКМЕНИ

Ч. Сивилев - Астраханский - 1919